

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

ЭКСТРАСЕНС
РАЗБУШЕВАЛСЯ

Малахольный экстрасенс

Анатолий Дроздов

Экстрасенс разбушевался

«1С-Публишинг»

2022

Дроздов А. Ф.

Экстрасенс разбушевался / А. Ф. Дроздов — «1С-Паблишинг», 2022 — (Малахольный экстрасенс)

После смерти пенсионер оказывается в теле молодого человека, который обладает необычным даром. Как все помнят, в девяностые годы был расцвет моды на экстрасенсов и нетрадиционные методы лечения. Разница в том, что герой не шарлатан и может исцелять реально, причём даже безнадёжно больных. Наличие таких способностей – золотая жила. Вот только герой не намерен монетизировать свой дар. Беда в том, что некоторые по-хорошему не понимают... Ну что же, кто хотел войны, тот её получит. Экстрасенс разбушевался.

© Дроздов А. Ф., 2022

© 1С-Паблишинг, 2022

Содержание

Пролог	5
1	7
2	15
3	26
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анатолий Дроздов

Экстрасенс разбушевался

Все персонажи этой книги являются вымышленными, всякие совпадения случайны.

Пролог

Следователь выдохнул воздух и отворил дверь в кабинет начальника Минского РОВД.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– А, Пыткин¹, – оторвался от бумаг начальник. – Заходи.

– Вызывали? – спросил следователь, подходя ближе.

– Вызывал, – подтвердил подполковник. – Ты чего, Пыткин, дела тянешь? Почему не закрываешь вот это – с тремя трупами, что под Минском нашли? – он постучал пальцами по лежавшей перед ним толстой папке.

– Не все обстоятельства дела расследованы полностью, – попытался оправдаться следователь.

– Какие, на хер, обстоятельства?! – взвился подполковник. – Трое зэков купили «Волгу», выехали на ней за город, где сели обмыть покупку. Выпили, поругались, одному дали по голове бутылкой, от чего тот отбросил копыта. Поняв, чего натворили, выпили еще и сами сдохли. Ну, так не спортсмены ведь – сердца изношены. Заключение медэксперта читал? Смерть наступила по естественным причинам, внешнего воздействия не обнаружено, – процитировал начальник. – Кроме первого, которого стукнули. Так там все ясно: есть бутылка, на ней – следы крови и отпечатки пальцев. Чего кота за хвост тянешь? Да еще уголовный розыск замучил своими поручениями. Нам прокурорские не для того дело передали, чтобы ты из себя Шерлока Холмса изображал.

– Там был четвертый фигурант, – попытался оправдаться следователь. – Обнаружен отпечаток обуви, не совпадающей с той, что нашли на трупах. Кроссовки «Адидас», сорок четвертый размер.

– Ну, и что? – пожал плечами подполковник. – Кто-то обнаружил трупы раньше нас. Подошел, посмотрел и смылся от греха подальше. Ты же знаешь наш народ: не хотят в свидетели. По допросам затаскают.

– Вдруг сообщник?

– Не было у них сообщника, – нахмурился подполковник. – Уголовный розыск все поднял. В Минск приехали втроем, «Волгу» покупали – тоже. Отпечатки пальцев внутри машины только их. А теперь скажи, Пыткин, сколько денег обнаружили на трупах и в машине?

– Свыше тридцати тысяч рублей, – вымолвил следователь.

– Ну, и как думаешь, сообщник их оставил бы? – усмехнулся начальник. – Прекращай херней маяться, капитан. Тут все ясно. Закрывай дело! Новый год скоро, а у нас «глухарь» висит.

– Так не ясно: деньги-то откуда? – сделал последнюю попытку следователь.

– Кооператора какого-то потрясли, – не замедлил с ответом подполковник. – Хрен ты его сейчас найдешь. От наших заявлений не поступало, а в России пыль замучишься глотать в поисках. Пойдут в доход государства. Разговор закончен. Забирай дело, – придвинул папку, – и чтоб сегодня же закрыл.

¹ Это не фантазия автора. В белорусской милиции того периода служил следователь по фамилии Пыткин. Бывает...

– Есть, товарищ подполковник! – отчеканил следователь, взял папку и вышел из кабинета.

«Если вы встретите в нашей милиции хмурых людей с изможденными лицами, знайте, что это трудяги из следствия – службы тяжелой и очень ответственной!..» – бормотал следователь, шагая к себе, строчки из популярного стихотворения, ходившего по рукам милиционеров. С начальником Пыткин был категорически не согласен. Слишком много непонятого в деле. Например, почему эки пили, не закусывая? В их вещах нашлись хлеб и колбаса. Впечатление такое, что кто-то заставлял. Рядом с трупами нашли обрез охотничьего ружья. И ведь что интересно? На всех обнаруженных там предметах отпечатков пальцев полно, а на обрете – ни единого. Будто кто его в перчатках держал. А на эках перчаток не имелось. Как же так? И еще допрошенные водители грузовиков видели неподалеку человека, бегущего вдоль дороги к Минску. Одет в импортный спортивный костюм и кроссовки. Плохо, что никто толком не разглядел «спортсмена» – темновато было. Отыщи его в миллионном городе!² Отыскать же хотелось. Побеседовать...

Дело Пыткин закрыл в тот же день – приказ есть приказ. Он так и не узнал, что это незначительное в масштабах страны событие обернулось серьезными последствиями.

В США скончался от рака миллиардер, известный в узких кругах под прозвищем «мистер Пи». Он давно стоял одной ногой в могиле – 96 лет человеку, но как-то ухитрился балансировать. Перенес несколько пересадок сердца и других органов. О его болезни знали, но полагали, что выживет – до сих пор старику это удавалось. Потому кончина «мистера Пи» застала всех врасплох – к ней не были готовы. На фондовой бирже воцарился хаос. Началось реформирование рынка и политических центров силы. «Мистер Пи» был самым авторитетным финансистом Америки. Его влияние на политический истеблишмент страны признавали даже враги. «Серый кардинал», как звали его в узких кругах, умер, не оставив преемника. За оставленный им трон началась война – невидимая, но жестокая. Зашатались кресла под высокопоставленными чиновниками администрации президента и руководителями Конгресса. Стали срочно сколачиваться блоки и объединения. Предстоящие выборы в Конгресс обещали стать интересными. На этом фоне спешный отзыв из Москвы резидента ЦРУ и его последующая отставка остались незамеченными публикой. Только несколько человек знали истинную причину немилости Лэнгли к своему сотруднику. Это по его вине скончался «мистер Пи» – так сочли в штаб-квартире ЦРУ. Сам резидент вину категорически отрицал. Он-де приложил все силы для выполнения приказа: направил в Минск агентов, чьей задачей стали похищение и доставка в Таллин нужного «мистеру Пи» целителя. Оттуда его переправили бы в Финляндию и далее – в США. Но агенты исчезли без следа – наверняка, их перехватил КГБ. Резидент сформировал вторую группу, но отправить не успел – пришла весть о смерти миллиардера... В Лэнгли оправданиям не поверили, Даунинга выпихнули в отставку. Словом, страсти кипели.

А настоящий виновник событий обо всем этом не подозревал. Нарезая круги по лыжне в парке Горького в Минске, он радовался солнечному дню и морозам, сменившим надоевшую оттепель.

² Подробности этого события в романе «Малахольный экстрасенс».

1

Шух, шух, шух, шух... Лыжи легко скользят по мягкому снежку. В середине января 1991 года в Минске установилась настоящая зимняя погода. Мороз да солнце... Перед этим две недели было пасмурно, температура держалась около нуля. Выпавший в декабре снег слежался и напитался влагой – ходить по такому удовольствие малое. Накануне Крещения ударили морозы, и посыпался снежок – мягкий и пушистый. Он припорошил деревья и кусты парка, превратив их в зимнюю сказку. Рассекать в таком – красота. Да еще солнышко выглянуло. Хорошо просмоленные лыжи идут ходко. Монотонная работа рук и ног не мешает думать и вспоминать.

Со времени моего похищения бандюками минуло два насыщенных событиями месяца. Расскажу по порядку. Ну, во-первых, никто не связал смерть троих эков в придорожном лесу близ Минска с целителем Мурашко. На меня никто не вышел и вопросов не задавал, хотя опасения были. Пронесло. А потом стало не до этого – затянула работа. Эксперимент с чернобыльскими детьми переформатировал мое целительство. На успешный результат обратили внимание в Министерстве здравоохранения республики. Для начала туда вызвали главного врача областной клиники, а потом пригласили меня. Состоялся непростой разговор с министром. Тот желал расширить практику, я не возражал, но выдвигал условия. После долгих споров ударили по рукам, и министр собрал в своем кабинете совещание в узком кругу. Он, я, главные врачи Минских областных взрослой и детской клиник плюс директор НИИ радиационной медицины, что в Аксаковщине под Минском. Институт после аварии на ЧАЭС специализировался на лечении заболеваний щитовидной железы.

– Значит так, товарищи, – начал совещание министр. – Как вам известно, в Минской областной клинике в Боровлянах уже несколько месяцев практикует наш известный целитель Михаил Иванович Мурашко, – он кивнул на меня. – До недавних пор специализировался на лечении детей с ДЦП. Добился колоссальных успехов. Это не фигура речи – счет исцеленных детей пошел на тысячи. Но с недавних пор Михаил Иванович занялся онкологией. У Семена Яковлевича, – взгляд на главного врача областной больницы, – есть отделение, где лечат пострадавших от аварии на ЧАЭС детей. Михаил Иванович начал с них. Эксперимент прошел удачно. Его повторили несколько раз – результат тот же.

– Это вы серьезно? – удивился директор НИИ радиационной медицины.

– Более чем, – кивнул министр. – Три-четыре дня после биоэнергетического воздействия – и детей можно выписывать. В том числе и тех, кого ранее считали безнадежными. Результаты неоднократно перепроверены. Исцеление полное. В связи с этим возникла мысль распространить практику на другие медицинские учреждения. От онкологических заболеваний страдают все дети, а не только те, что пострадали от аварии на ЧАЭС. Михаил Иванович любезно согласился помочь, причем – подчеркну – совершенно безвозмездно. Предлагается поступить следующим образом. Онкологическое отделение из Боровлян перевести в детскую областную клинику в Минск. Вместе с персоналом, естественно. Тот обладает необходимым опытом и знаниями. Вам, Сергей Сергеевич, – министр посмотрел на главного врача детской клиники, – придется сократить прием детей с другими заболеваниями – теми, которые не угрожают жизни. Мы перераспределим их по другим учреждениям. Возражения есть?

– Нет, конечно! – поспешил тот. – А Терещенко людей отдаст?

– Разумеется, – заверил Яковлевич. – А вот отделение для больных ДЦП оставлю. Михаил Иванович будет приезжать к нам раз или два в неделю.

– Информировать, что своих больных с ДЦП мы практически исцелили, – пояснил министр. – Разумеется тех, кого можно. Остаются пациенты из других республик, но, как понимаете, это не острая проблема. Об угрозе жизни речь не идет. Онкология куда более актуальна.

Собравшиеся за столом закивали.

– НИИ радиационной медицины сохранит свою специализацию, – продолжил министр: – Дети с поражением щитовидной железы.

– Почему только дети? – насутился директор.

– Таково условие целителя. Объясните, Михаил Иванович!

– Организмы детей и взрослых реагируют на воздействие по-разному, – сказал я. – Проще говоря, чтобы исцелить взрослого, понадобится день, да и не факт, что получится. А детей за это время могу исцелить до двух десятков.

– Сколько?! – изумился директор НИИ.

– Вы не ослышались, – подключился Терещенко. – Подтвержденный результат.

– Потому никаких взрослых! – продолжил я. – Менять жизни двух десятков детей на одну, пусть даже близкого кому-то человека не собираюсь. Приметесь пихать блатных – раз-вернусь и уйду. Таково мое условие.

– А еще полная секретность! – подключился министр. – Участие в исцелении больных Михаила Ивановича должно остаться тайной.

– Почему? – удивился директор НИИ.

– Потому что к нам повалят пациенты со всего СССР. Возле ваших учреждений встанут толпы. В этой ситуации Михаил Иванович откажется работать – он об этом предупредил. У него был случай, когда толпы встали у конторы, где он принимал пациентов. Случилось это после публикации статьи о нем в «Советской Белоруссии». Ажиотаж еле удалось погасить. Поэтому никаких публикаций – ни в газетах, ни в журналах. Персоналу прикажите держать рот на замке. Если кто откроет – уголовное дело о нарушении врачебной тайны. Я добьюсь, чтобы его возбудили и довели до суда. За молчание будут премии – издам приказ. Разумеется, с другой формулировкой: за успехи в лечении онкологических заболеваний у детей.

– А еще добавим от моего кооператива, – подключился я. – Будем хорошо сотрудничать – не обижу.

– Удивительный вы человек, – покачал головой директор НИИ. – В первый раз слышу, чтоб платили за право исцелять. Почему-то у других наоборот.

Я усмехнулся и развел руками.

– Что будет делать персонал? – поинтересовался главный врач детской клиники. – Если исцеляет Мурашко?

– Станный вопрос, – удивился министр. – Обследовать и вести больных. Вот представьте: вы получили новое лекарство. Его применение дает поразительный эффект. Разве это отменяет участие врача? Наблюдение, поддерживающее лечение... Кстати, о лекарствах. Химиотерапию применяем, высвободившиеся препараты отдадим в клиники для взрослых. Всем все ясно?

Участники совещания закивали. Так я стал работать по трем адресам. В понедельник отправлялся в Аксаковщину, два последующих дня практиковал в Минске, четверг и пятницу проводил в Боровлянах, где исцелял детей с ДЦП. Не скажу, что все шло гладко. Более всего хлопот доставлял рак крови. Не лимфома с ее четкой локализацией, а лейкозы. Муторное дело. Для начала долгий поиск патологии в органах кроветворения, затем помощь им в возвращении прежних функций. Если деток с «обычным» раком мог исцелить два десятка в день, то с лейкозами – троих или пятерых. По моей просьбе в клиниках ввели сортировку больных. Для начала шли тяжелые в терминальной стадии, после их исцеления занимался остальными. Но процесс шел и приносил радость. Как и прежде, я являлся к деткам с гостинцами. Пока те жевали конфетки, работал. Но с тяжелыми номер не проходил – времени требовалось больше. Я облачался в халат и бахилы, надевал перчатки и хирургическую маску. Врачи отводили меня к больному, где выдавали за коллегу из Москвы. Я делал вид, что обследую пациента, сам же занимался исцелением. Иногда это занимало час или два.

Разумеется, сохранению тайны это не способствовало; тем не менее, ее блюли – и врачи, и средний медицинский персонал. Не из страха. Как сказала мне заведующая отделением онкологии: «Как иначе, Михаил Иванович? Вот узнают в Москве – и заберут вас. Кто станет исцелять наших деток?» Информация все же протекла, но об этом позже. Для начала любопытная история.

Это случилось в декабре. Как-то вечером в нашей съемной квартире долго и протяжно зазвонил телефон – межгород. Этот номер знали многие – нет смысла таить, все равно скоро в свою квартиру переберусь, потому звонок не удивил. Я снял трубку.

– Господин Мурашко? – спросил мужской голос. Незвестный абонент говорил по-русски, но с заметным акцентом.

– Да, – подтвердил я.

– Меня зовут Серхио – Сергей Иванович, по-вашему, – представился собеседник. – Я потомок русских эмигрантов. В настоящее время – советник посольства Аргентины в Москве. Наслышан о вас. У меня такой вопрос: вы исцеляете слепоту?

– Не доводилось, – признался я. – Хотя можно попытаться. Сколько лет пациенту?

– Пациентке. Это девушка, восемнадцать лет.

– Слепота полная или частичная?

– Различает день и ночь, а еще фигуры людей.

Значит, зрительный нерв не умер окончательно.

– Тогда стоит попытаться. Привозите, посмотрю. Но гарантий не даю – до сих пор этим не занимался.

– Договорились, Михаил Иванович, – обрадовался Серхио. – Сколько это будет стоить?

– Консультация бесплатна, гонорар обсудим на месте. Не волнуйтесь, не разорю.

– По этому поводу беспокоюсь меньше всего, – сообщил Серхио. – До встречи!

Он позвонил спустя неделю – тоже вечером.

– Мы в Минске, – сообщил, поздоровавшись. – Что делать?

– В первый раз в городе? – поинтересовался я.

– Да.

– Тогда, видимо, захотите осмотреть достопримечательности белорусской столицы. Предлагаю начать с площади Победы. Берите такси и приезжайте. Встретимся возле Вечного огня.

– Будем! – заверил он, догадавшись о причине такого предложения. – С вас – рассказ о памятном месте.

Спустя час я вышел к монументу. Возле Вечного огня стояли двое: невысокий мужчина лет сорока в коричневом пальто и фетровой шляпе и девушка в шубке из голубой норки и такой же шапке. Белые сапожки обтягивали ее икры до колена. Не бедные клиенты. Я подошел и поздоровался.

– Рад познакомиться, господин Мурашко! – Серхио пожал мне руку, не снимая перчатки. – Разрешите вам представить сеньориту Анну.

Он произнес несколько слов по-испански.

– Буэнос ночес! – звонким голосом сказала Анна и протянула руку в белой кожаной перчатке. Я ее осторожно пожал, заодно рассмотрел аргентинку. Красивая девушка. Правильные черты лица, маленький ротик с пухлыми губками, большие черные глаза под пушистыми ресницами. Нос слегка великоват, но это только придает шарма. Цвет волос под шапкой не разглядеть, но наверняка черные, как и брови. Жгучая испанская красота. Впечатление портит только взгляд – неуверенный, без огня во взоре.

– Сеньорита говорит по-английски? – поинтересовался я, перейдя на язык Шекспира.

– Йес, ай ду! – улыбнулась Анна.

– Предлагаю прогуляться в парке, он совсем рядом, – сказал я на английском. – Там расскажу вам о Минске. Да и памятник оттуда лучше виден.

– Хорошо, – кивнула Анна. Молодец, понятливая.

Серхио аккуратно взял девушку под руку, мы спустились в подземный переход. Выбравшись наверх, зашагали к парку. Серхио вел девушку осторожно, периодически предупреждая о чем-то по-испански. Интересно, кто она ему? Вряд ли дочь или родственница – слишком уж почтителен. Ребенок начальства? Тогда почему Анну привез он?

Гуляющих в это время в парке не было. Мы без труда нашли свободную скамейку, где устроились втроем. Я сел рядом с Анной, Серхио – с другой стороны от девушки. Я осмотрелся по сторонам.

– Опасаетесь слежки? – спросил Серхио по-русски.

– Да, – кивнул я. – КГБ нервно реагирует на мои контакты с иностранцами.

– Сомневаюсь, что есть причина беспокоиться. Аргентина мало интересна КГБ. Да, в Москве присматривают, но без рвения. Я согласовал поездку в Минск в министерстве иностранных дел, там охотно дали разрешение. Слежки не заметил.

– Ну, раз так, займемся исцелением, – я достал из кармана шарф. – Завяжите сеньорите глаза.

– Для чего? – удивился он.

– Чтобы яркий свет не повредил исцеленную сетчатку.

На пути к парку я определил причину слепоты Анны. Атрофия зрительных нервов ишемического происхождения. Нарушен кровоток к нервам, что и привело к потере зрения. Следствие перенесенной болезни, скорее всего.

Серхио сказал Анне несколько слов по-испански, та кивнула. Он завязал ей глаза.

– Сидите смирно! – сказал я по-английски и положил ладонь ей на ближнюю глазницу. Нужды в том не было, но зачем светить возможностями? Для начала расширить кровоток. Теперь запустить процесс восстановления сетчатки...

Анна внезапно сказала что-то по-испански.

– Говорит, что в глазу покалывает, – перевел Серхио.

– Объясните, что нужно потерпеть. Идет процесс исцеления зрительного нерва, – сказал я по-английски.

Девушка успокоилась. Я немного подождал, чтобы быть полностью уверенным, и предложил ей снять повязку. Порывистым движением она сорвала шарф.

– Диос мио! – воскликнула девушка и затараторила по-испански. При этом она вертела головой и тыкала пальчиком в нас, окружающие деревья, входную арку.

– Анна говорит, что все видит, – перевел, наконец, Серхио. – Нас, деревья и вон то сооружение. Видит хорошо, как в детстве, до того, как перенесла болезнь. Сокрушается, что только одним глазом.

– Будет и второй, – сказал я. – Не хотите прогуляться, Сергей Иванович? Нужно кое-что обсудить. Анна пусть подождет здесь.

– Хорошо, – кивнул он и встал. Мы отошли на пару десятков шагов.

– Поговорим о гонораре, – сказал я. – Деньги мне не интересны. Хотел бы получить аргентинские паспорта – для себя и своей супруги.

– Хм! – задумался он. – Необычная просьба. Собираетесь эмигрировать?

– Нет, – покачал я головой. – Но пусть будут.

– Полагаю, не откажут, – сказал он. – Если исцелите Анну окончательно. Она дочь... как это по-русски? Большого человека в нашей стране. Мне понадобятся ваши фотографии. Вышлете их обычным письмом по адресу, который продиктую. Запомните?

Я кивнул. Он продиктовал. Ничего сложного. Москва, Главпочтамт, до востребования, Клавдии Михайловне Ивановой.

– На конверте укажете адрес, по которому желаете получить паспорта. Их вышлют почтой. Это самый безопасный способ, – улыбнулся он. – КГБ не перлюстрирует письма обычных людей.

А не прост ты, Серхио, совсем не прост. Сомневаюсь, что советник посольства – твоя настоящая должность. Погоны на плечи так и просятся.

– Пожелания насчет новых имен есть? – спросил он. – Или хотите сохранить свои?

– Пусть будут новые, – сказал я. – Что-нибудь из наиболее распространенных. Например, Мигель Санчес или Рамирес. Для жены Виктория...

– У аргентинок нет такого имени, – поспешил он. – Привлечет внимание. Более того, вызовет неприязнь. Это имя английской королевы, а у нас после войны за Мальвинские острова отношение ко всему британскому неприязненное. Предлагаю: Мария. Фамилия: Гомес.

– Почему не такая, как моя? – удивился я.

– У нас женщина, выходя замуж, не меняет фамилию.

– Хорошо, – кивнул я.

Мы вернулись к Анне, где я довершил исцеление. В этот раз процедуру она выдержала без звука. На обратном пути девушка крутила головой, разглядывая все подряд, и трещала по-испански. А потом обратила внимание на меня.

– Вы красивый мужчина, мистер Мурашко, – сказала по-английски. – Высокий и сильный. У вас есть жена?

Я стащил с правой руки перчатку и продемонстрировал ей обручальное кольцо.

– У нас носят на левой, – сообщила она. – Прилетайте к нам в Буэнос-Айрес. Вас там встретят оркестр и почетный караул.

Это чью же дочь я исцелил?

– В самом деле, Михаил Иванович! – поспешил Серхио. – Моя спутница преувеличила, но теплый прием вам обещаю.

На том и расстались. На завтра я отвел Вику в фотоателье, где получил снимки нужного формата. Вике объяснил, что для заграничного паспорта, не став уточнять, для какого. Снимки отослал по указанному адресу и из-за навалившихся дел забыл. Велико же было мое удивление, когда спустя десять дней достал из почтового ящика плотный конверт. В нем оказались аргентинские паспорта на имя Мигеля Рамиреса и Марии Гомес. На главных страницах – наши с Викой фотографии. И еще в конверте лежала короткая записка. «В аэропорту пограничник спросит, почему в паспортах нет советской визы и штампа о въезде. Объясните, что паспорта вам выдали в посольстве взамен утраченных в СССР. Отметка об этом в них есть. Спросит: чем занимались в Советском Союзе, отвечайте, что вы врачи и проходили стажировку в клинике Склифосовского. У нас есть об этом договоренность с Министерством здравоохранения СССР, стажировки идут постоянно. Удачи!»

Записку явно писал Серхио или кто-то под его диктовку. Я пожал плечами и сжег листок в пепельнице. Паспорта спрятал. Улетать по ним из СССР не собираюсь. «Для чего тогда выдурил?» – спросите. Объясню. В прошлой жизни у меня были знакомые – брат и сестра. В 90-е годы они занимались выездным туризмом, а я редактировал туристическую газету. Познакомились в одной из поездок. Симпатичные, открытые в общении люди. Вот они и рассказали. Дети советских дипломатов родились в Аргентине. По законам этой страны автоматически приобрели возможность стать ее гражданами – так называемое право почвы, которым знакомые и воспользовались, когда СССР рухнул. Обратились в посольство Аргентины, предъявили свидетельства о рождении, получили паспорта. Из Минска брат и сестра вылетали по белорусским документам, а оказавшись за границей, прятали их в чемоданы. Далее путешествовали по аргентинским. Гражданам этой страны виза в страны Европы не нужна. И не только там. Зачем упускать возможность? Для меня же это – задел на будущее. Вдруг пригодятся? Я и предположить не мог, как скоро случится это «вдруг»...

* * *

В тот день в клинику я опоздал. Утром, как обычно, повез Вику в Боровляны – она продолжала трудиться у Терещенко. Ночью выпал снег, дороги не расчистили, ехал осторожно – шины-то летние. О зимних здесь понятия не имеют. Довез, попрощался и отправился обратно в Минск. Колею на асфальте к тому времени успели раскатать, в ней вырос ледок, «Ауди» пару раз занесло. Справился, но в детскую клинику опоздал. Припарковав автомобиль на улице, вышел и заспешил к калитке.

Возле нее стояла «Волга», а рядом – мужчина в импортной дубленке. На голове – пыжиковая шапка. Богатый прикид. Мужчина курил. Увидав меня, швырнул сигарету под ноги. Я невольно проводил ее взглядом и увидел на снегу несколько окурков. Поморщился – не люблю нерях. Если куришь, отойди в сторонку – урна в трех шагах. Гадь в нее.

– Михаил Иванович Мурашко? – неряха шагнул ко мне.

– Да? – отозвался я, остановившись.

– КГБ СССР, подполковник Родин, – он махнул у моего носа красной книжечкой.

– Извините, не верю, – буркнул я и попытался его обойти.

– Погодите! – он ухватил меня за рукав. – Почему не верите?

– Документ не показали толком.

– Хорошо, – хмыкнул он и вновь достал свою книжечку. Раскрыв, поднес к моему лицу. – Читайте.

Так... Родин Валентин Семенович, Первое Главное управление КГБ СССР. Эти-то с чего мной заинтересовались? Они, вроде, внешней разведкой занимаются.

– Убедились? – он спрятал удостоверение. – Мы могли бы поговорить?

– Не сейчас, – покачал я головой. – Меня ждут больные дети. И без того опоздал. Это первое. И второе. В белорусском КГБ у меня есть куратор – Николай Сергеевич Хилькевич. Все беседы исключительно в его присутствии.

– Даже так? – сощурился он.

– И никак иначе, – подтвердил я, обходя чекиста.

Спустя несколько минут я забыл о визитере. В клинику привезли детей с лейкозом, да еще троих. Где только нашли? Договорились ведь с минздравом, чтоб таких – вне очереди. Полагал, что в Белоруссии исцелили всех. И вот на тебе – откопали. Провозился до обеда. Только сел пить чай в ординаторской, как зазвонил телефон. Заведующая отделением подошла.

– Вас, – сказала, протянув мне трубку.

Недовольно отложив надкушенный бутерброд, я взял.

– Михаил Иванович, здравствуйте, – раздался в наушнике знакомый голос. Хилькевич. – Не отвлекаю?

– Очень даже отвлекаете! – ответил я сварливо. – Только сел перекусить. Кусок изо рта вытащили.

– Извините, не знал. Тут такое дело. Коллега из Москвы желает с вами побеседовать. Вы с ним встречались возле клиники. Сможете ко мне подъехать? Или заняты?

На мгновение я задумался. Этот прыщ московский не отстанет – лучше уж разобраться сейчас. Пациентов с лейкозом исцелил, остальные могут подождать – ничего опасного. Мне еще Вику из Боровлян везти. Будем надеяться, что дорогу почистили.

– Через час устроит?

– Ждем, – сказал он и положил трубку.

Ровно через час я вошел в кабинет Хилькевича. В нем плавал дым. Родин сидел за столом хозяина и курил, пуская дым к потолку. Вот же хам! Сел в чужом кабинете, согнал с места

хозяина – Хилькевич обнаружился на стуле в уголке и тоже смолил. Что-то раньше я за ним такого не замечал.

– Наконец-то! – отреагировал на мое появление Родин и загасил сигарету в пепельнице, полной окурков. – Присаживайтесь, Михаил Иванович! – он указал на стул.

Я сел.

– Так, – он придвинул к себе лежащий на столе блокнот и достал из кармана авторучку. – У меня к вам будет несколько вопросов. Первый. Перечислите болезни, от которых исцеляете.

– Врачебная тайна.

– Не городите ерунды, Михаил Иванович, – сморщился он. – Я ведь не спрашиваю, кого и от какой болезни вы исцелили. Просто перечень.

– Не скажу.

– Почему?

– Не хочу.

– Так, – он положил на стол авторучку. – Не желаете сотрудничать с органами?

– Не понятен ваш интерес ко мне. Законов СССР не нарушаю, лечу деток. При чем тут КГБ, да еще Первое управление?

– Объясню, – кивнул он. – Слух о вашей целительской деятельности разошелся за пределами страны. Иностранцы, в том числе из капиталистических стран, проявляют интерес. Выражают желание получить от вас помощь, готовы заплатить. В связи с этим есть мнение организовать процесс надлежащим образом. Вы будете исцелять, страна – получать нужную ей валюту.

Так я и поверил про страну! Генералы КГБ решили нарубить баксов, пока есть возможность. СССР трещит по швам, наиболее умные чины ищут запасные аэродромы. В той жизни у меня был знакомый – работал слесарем на тракторном. Заочно учился на юриста. После третьего курса его пригласили на службу в КГБ. Интеллектом знакомый не блистал, но зато рабочий и член КПСС – подходящая биография. Много лет спустя я встретил его в подземном переходе. Постаревшего, одетого в потертую одежду.

– Выперли на пенсию, – пояснил знакомый. – А ее едва хватает. В то же время некоторые... – он оглянулся и зашептал мне на ухо: – Еще при СССР присмотрели себе лакомые куски, что-то приватизировали, где-то акционерами стали. Живут и беды не знают. Меня к этому не подпустили. Эх! – он махнул рукой и ушел, не оборачиваясь.

Так что не надо про страну...

– А что получу я? – спросил Родин.

– Достойную зарплату, уважение и признание государства. Наградами не обойдем. Вы их заслужили.

Точно на свой интерес нацелились. Даже валютой поделиться не обещают.

– Ты работай, дурачок, мы дадим тебе значок?

– Как-то странно вы себя ведете, – нахмурился он. – Не по-советски. Не хотите зарабатывать валюту для страны?

– Для нее или вашей конторы?

Он дернул щекой.

– Я не разделяю эти понятия.

– А вот я – да. Валюта СССР действительно нужна – для закупки тех же лекарств, к примеру. Я готов зарабатывать ее для таких целей. Но тогда должен получить контроль над валютными потоками.

– Как вы себе это представляете? – сощурился он.

– Моему кооперативу открывают валютный счет. Все заработанные деньги поступают на него. Министерство внешней торговли заключает контракт на поставку лекарств, после чего обращается ко мне. Мы оплачиваем покупку.

- Исключено, – покачал он головой.
- На других условиях работать не буду.
- Вы о себе слишком много возомнили! – хмыкнул он. – Мы ведь можем и заставить.
- Это как? – усмехнулся я. – Арестуете? Так уже пытались. Это стоило постов секретарю

ЦК и министру МВД.

- Есть другие способы. У вас ведь семья? Жена ждет ребенка?

Зря он это сказал...

– Только попытайся, сволочь! – прошипел я. – Отверну голову! Будешь ходить, как кузнечик, коленками назад.

– Николай Сергеевич! – Родин повернулся к Хилькевичу. – Задержите этого гражданина! – он ткнул в меня пальцем.

– Нет оснований, – пожал тот плечами. – Михаил Иванович прав: нам не нужен бунт в Минске.

- Он угрожал расправой сотруднику КГБ!

– Перед этим вы угрожали его семье. Недостойное поведение для офицера. Я отражу это в рапорте председателю комитета.

Ай да Николай Сергеевич! Молодца. Я-то думал: будет лишь поддакивать.

- Спелись! – Родин встал. – Ничего, управу найдем. Не один вы умеете писать рапорты.

Он быстрым шагом вышел из кабинета. Перед дверью, правда, запнулся и захромал на левую ногу. Что-то прошипел под нос и скрылся. Давай, двигай, пока ходишь. Скоро на вторую захромаешь. Ты ведь куришь, подполковник? Это плохо отражается на сосудах ног. Артериосклероз, синдром перемежающейся хромоты. В дальнейшем – некроз тканей с последующим их гниением. А не надо было угрожать! За свою семью я любого порву.

- Сволочь!

Хилькевич перебрался за стол, открыл ящик и извлек из него пачку «Родопи». Стал искать в ней сигарету. Пальцы его подрагивали.

- Угощайтесь! – я протянул ему пачку «Мальборо» с уже выбитой из нее сигаретой.

Он ухватил ее за фильтр и сунул в рот. Я щелкнул зажигалкой. Он затянулся и выдохнул дым.

– Точно напишет, – сказал со вздохом. – У него папаша – один из руководителей ПГУ³. Сволочь редкостная. И сынок такой же.

Эк, как его торкнуло! Откровенничать стал, служебные тайны разглашает.

- Выпрут меня со службы, – заключил Сергеевич и снова затянулся.

- Пенсию выслужили? – поинтересовался я.

- Не полную, – он вздохнул. – Для нее три года не хватает.

- Ну, и плюньте! – посоветовал я. – Увольняйтесь и идите работать ко мне.

- К вам? – изумился он. – Кем?

– Начальником службы безопасности. Очень нужная работа. Этот вот наезд, – я указал на дверь, – только первая ласточка. Скоро криминал подтянется. Желающие запрячь целителя найдутся. Слишком лакомый кусок. Потому и нужен человек вроде вас: информированный, со связями, знающий, что делать в сложной ситуации.

- Неожиданно. Не знаю, что ответить, – он развел руками.

- Пять тысяч рублей. В месяц.

- Сколько?! – вытаращился он. – Да у нас председатель комитета в разы меньше получает.

– Председатель не нужен, а вот вас зову. Подумайте, посоветуйтесь с супругой, – я встал и протянул ему разовый пропуск. – Отметьте, пожалуйста. Задержался я у вас, а мне еще за женой ехать...

³ ПГУ – Первое главное управление КГБ СССР.

2

Николай Сергеевич позвонил назавтра.

– Я обдумал ваше предложение, Михаил Иванович, – сообщил сходу. – Прежде, чем ответить окончательно, хочу посмотреть на вашу работу. Наслышан много, а воочию не наблюдал. Разумно.

– Приезжайте завтра в областную детскую клинику на Петруся Бровки, – предложил я. – Там и увидите.

Ровно в девять Хилькевич встретил меня у калитки. Я отвел его в ординаторскую, помог облачиться в белый халат и повел по палатам. В этот раз тяжелых пациентов не было – исцелил вчера, потому работалось легко. Раздача сладостей, короткая беседа с детками – и дальше. Я запускал перерождение больных клеток в здоровые, убеждался, что процесс пошел, и отправлялся к другим. Так и прошли все палаты с пациентами.

– А когда будете исцелять? – спросил Хилькевич по завершении обхода.

– Так уже все, – улыбнулся я. – Через три-четыре дня деток выпишут.

– Что – вот так просто? – изумился он. – Посетили, угостили конфетками, и они поправились?

– Не совсем так. Я воздействовал на них дистанционно. Появились у меня такие способности. Сомневаетесь – побеседуйте с заведующей отделением.

Я отвел его к Татьяне Павловне, попросив рассказать гостю, как работаем. Ее это удивило, но Хилькевич предъявил удостоверение, и заведующая смирилась. Сам же я отправился в ординаторскую, где сел пить чай. Хилькевич появился в ней спустя полчаса. Выглядел он пришибленным. Плоснувшись на стул, уставился на меня.

– Угощайтесь! – я придвинул ему чайник и тарелку с бутербродами.

– Потом! – отмахнулся он. – Михаил Иванович, в это невозможно поверить. Но Татьяна Павловна показала мне медицинские карточки детей, ознакомила со статистикой. Расскажи кто другой, я сказал бы: невероятно! Только факты – вещь упрямая. Это потрясающе! Грандиозно!

Эк, как его пробило.

– Выпейте чайку, Николай Сергеевич! – предложил я. – Очень вкусный.

– Да, конечно! – кивнул он и налил себе в чашку кирпично-красного настоя. Отхлебнул и отставил в сторону.

– Вы сломали мой взгляд на жизнь, Михаил Иванович, – сказал со вздохом. – До сих пор был уверен, что занимаюсь важным и полезным делом. Без трех лет четверть века в КГБ, до полковника дослужился. Удостоен государственных наград. Только все, что делал прежде, не идет в сравнение с вашими заслугами. Даже вот настолько! – он показал ноготь мизинца.

– Успокойтесь, Николай Сергеевич! – поспешил я. – Нечего себя казнить. Мне Господь дал дар, вам его не досталось. Почему так вышло, неизвестно. Потому не стоит убиваться. Лучше присоединяйтесь. Вы согласны поработать вместе?

– Нужно быть дураком, чтобы отказаться, – кивнул он.

– Замечательно, – сказал я. – Только небольшое уточнение. Вы работаете на меня и никого более, включая ваше ведомство. Попытайтесь двурушничать – обижусь.

– Как на Родина? – сощурился он.

– А что с ним? – прикинулся я шлангом.

– По приезде в Москву госпитализирован. Ноги отказали.

– Вы откуда знаете?

– У меня есть знакомые в Москве.

Нет, не зря пригласил...

– Курит слишком много, – пожал я плечами. – Сами видели.

– В кабинет ко мне зашел нормально, – не отстал Хилькевич. – А вот выходил, прихрамывая. Перед этим угрожал вашей семье. Вы же можете воздействовать на людей дистанционно, сами говорили.

Он уставился на меня. Вот дотошный!

– Николай Сергеевич! – поднял я руки. – Не начинайте. Я занимаюсь исцелением, а не порчей. Что до Родина, то не жалко. Так ему и надо.

– Соглашусь, – кивнул он. – Только подозрительно.

– Слыхали анекдот про уклончивый ответ?

– Нет, – заинтересовался он.

– Замполит полка поручает молодому лейтенанту провести политинформацию в роте. По завершении ее интересуется, как прошла. «Все нормально!» – докладывает лейтенант. «Политически незрелые вопросы задавали?» – спрашивает замполит. «Был один». «Какой?» «Почему на пути от социализма к коммунизму людям жрать нечего?» «Как среагировали?» «Дал уклончивый ответ». «Какой?» «Пошел на х*й!»

Он захохотал.

– У меня к вам просьба, Николай Сергеевич. Не задавайте ненужных вопросов, и вы не услышите уклончивых ответов.

– Договорились, – сказал он и протянул мне руку. Я ее пожал. – Думаю, сработаемся. Но прошу учесть: одномоментно из конторы не уволиться. Придется подождать.

– Не критично, – согласился я. – Но вы приняты. Желаете получить аванс?

– Не помешал бы, – кивнул он.

Правильный ответ. Если бы начал мямлить, что не ради денег, я б засомневался.

– Получите у бухгалтера. А пока займитесь структурой службы безопасности. Определите направления работы, составьте штатное расписание, смету, подберите специалистов. Зарплаты им установите, отталкиваясь от своей. Прикиньте размер сумм на оперативные расходы. Распоряжаться ими будете лично, но за результат спрошу.

– Гм! – он удивленно посмотрел на меня. – Такое впечатление, что беседую с коллегой. У вас какое воинское звание, Михаил Иванович?

– Старший лейтенант запаса. Командир взвода связи.

– А задание выдаете, как генерал.

Я улыбнулся. То ли еще будет! Если кто-то полагал, что за пять тысяч рублей в месяц будет околачивать груши, то серьезно ошибся. Спрошу за каждую копейку. Через год-два офицеры КГБ и милиции выстроятся в очередь за такими должностями. Их зарплаты станут нищенскими. Так что пусть старается.

Хилькевич отбыл, я вернулся к деткам. Следовало проконтролировать процесс исцеления – кое-где, возможно, подстегнуть...

* * *

Остаток января прошел спокойно – в Москве о нас, кажется, забыли. Никто более не приезжал, не пытался запрячь целителя в оглобли. Знакомые Хилькевича о таком не сообщали – полковник держал меня в курсе. По моему предложению он съездил в Белокаменную и отвез нужным людям денег. Дружба дружбой, а табачок не помешает. Подношение приняли с благодарностью и пообещали: если что, так сразу. Разложение правоохранительных органов в стране набирало силу.

На работе установилось затишье – не стало пациентов. Онкология у детей – не частая болезнь. Если лечить традиционными методами, то долго, я же исцелял рак быстрее, чем его выявляли. Три-четыре дня в клинике – и к родителям. Палаты в детской клинике и НИИ радиационной медицины опустели. Уловив момент, медицинское начальство попыталось припрятать

меня к исцелению взрослых. Я встал в позу: ни за что! Ибо не фиг. Только лишь начни – поимеют и высушат. Всех исцелить не удастся, и пойдет грызня за доступ к целителю. Жизнь превратится в ад. Не считайте меня бездушным. Ничего в этом мире не происходит случайно. Получил смертельную болезнь – значит, заслужил. Не виновны лишь дети. И еще я согласился поработать с ликвидаторами аварии на ЧАЭС. Кстати, рак у них не превалировал, доминировало другое. Сердце, легкие, печень, почки... Многие жаловались на боль в суставах. Две недели в НИИ радиационной медицины – и с тяжелыми разобрался. Остальных пусть врачи лечат – им за то зарплату платят. Денег с ликвидаторов я не брал. Они не подозревали даже, что за странный врач в маске приходит их смотреть. Выслушивает жалобы, шупает больные места, а назавтра им становится легче. Вот и пусть не знают.

Деньги поставлял конвейер деток с ДЦП. Взносы их родителей продолжали капать на счет кооператива. Сумма там превысила миллион рублей и приближалась к двум. На фига больше – все равно сгорят. Я подумал, посоветовался с женой и приостановил прием. Граждане СССР имеют право на отдых, целители – не исключение. А то как впрягся с первого дня в этом мире, так и продолжаю пахать. От работы кони дохнут. Хорошо бы съездить с Викой на какой-нибудь курорт. В своем времени рванул бы на Мальдивы или в Таиланд, но, во-первых, не выпустят, во-вторых, там нет еще индустрии отдыха – не создали. Не то бы понырять с аквалангом, половил бы рыбку у рифов...

В этот момент меня и пригласил министр здравоохранения. С Владимиром Сергеевичем у нас сложились если не дружеские, то весьма теплые отношения. Доктор медицинских наук, он прекрасно понимал, что я делаю для больных, и ценил это. Относительно молодой для своей должности – 47 лет, он был восприимчив к новому в медицине и стремился внедрить это в практику. На встречу шел с легким сердцем. Полагал, разговор пойдет о направлениях взаимодействия, но ошибся.

– Немцы приглашают в гости, – сообщил министр. – Их заинтересовал опыт исцеления ДЦП. Выражают желание посмотреть на процесс воочию, потому просят включить в делегацию вас. Что скажете?

– Почему бы не съездить? – улыбнулся я. – С онкологией разобрались, исцеление ДЦП я приостановил. Кто конкретно приглашает?

– Клиника имени Гете во Франкфурте-на-Майне. Очень авторитетное медицинское учреждение. Все за их счет: перелет, проживание в гостинице, командировочные. По их нормам – не по нашим.

Существенное замечание. За советские командировочные будешь сухари в гостинице грызть.

– У меня условие: в делегацию включить мою жену.

– Разумеется! – кивнул министр. – Виктория Петровна возглавляет отделение по лечению детей с ДЦП. Еще предлагаю главного врача Минской областной клиники Терещенко. Итого: я, как глава делегации, вас двое и Семен Яковлевич. Плюс переводчик из МИДа и этот... наблюдатель, – он поморщился. – Нам его, как и переводчика, дадут в Москве. Без него не выпустят.

Это так. Сопровождающий от КГБ – неизбежное зло в таких поездках.

– По рукам, Владимир Сергеевич! – согласился я.

Дело завертелось. Не прошло и недели, как нам выдали заграничные паспорта с разрешительными записями на нужных страницах. Вылет наметили на понедельник 18 февраля. В воскресенье сядем в поезд Минск-Москва (билеты на него уже в кармане), ночь в купе – и здравствуй, Белокаменная! Переезд в Шереметьево, встреча с куратором от КГБ и переводчиком. Раздача билетов на рейс Аэрофлота Москва – Франкфурт – и в путь.

Мы с Викой собирали чемоданы. Жена радовалась, как ребенок: в первый раз за границу. Не в какую-то там Болгарию, а в самую Германию! Капиталистическое государство, несколько месяцев назад включившее в свой состав бывшую ГДР.

...Хилькевич позвонил мне домой в пятницу.

– Не хотите погулять, Михаил Иванович? – предложил. – Погода замечательная. Выходите, буду ждать у подъезда.

За окном шел мокрый снег, и называть это замечательной погодой было странно. Я догадался, что случилось нечто экстраординарное.

– Не хочу тревожить Викторину Петровну, – объяснил полковник, едва мы отошли от дома. – Сами скажете. Вам нельзя ехать в Москву – задержат прямо на вокзале. Обоих. Делегация в Германию – повод выманить вас из Минска. Здесь вас в обиду не дадут – есть указание первого секретаря ЦК. А вот в Москве... – он развел руками.

– Информация точная? – спросил я.

– Более чем, – кивнул он.

– Не отстали, суки! – сплюнул я. – Жаба задушила – валютки захотелось. Ваши предложения, Николай Сергеевич?

– Сообщите министру, что отказываетесь от поездки, скажем, по семейным обстоятельствам. Пусть отправляются без вас. Сами затаитесь. Место, если нужно, подберем.

Мне что – прятаться, как зайцу? Ладно – одному, но с беременной женой?

– Нет, – покачал я головой. – Есть другой план. Но сначала ответьте: вы со мной?

– Я дал слово! – обиделся полковник. – Не хочу, чтоб вы думали плохо о сотрудниках КГБ – среди них много честных и порядочных людей. Только те, кто затеял эту мерзость – подлецы и негодяи. Буду рад поломать им планы.

– Тогда слушайте меня. Я отправляюсь в Москву... – он дернулся, но я жестом попросил его помолчать. – Но не в воскресенье, а в субботу. Буду там на сутки раньше – в этот день меня не ждут. Сможете приобрести два билета на поезд?

– Без вопросов, – кивнул он. – Почему не на самолет?

– Там билеты именные, информация может ускользнуть⁴.

– Понял, – сказал полковник, с уважением глянув на меня.

– Мне понадобится квартира в Москве – дня на два-три. В гостинице останавливаться нельзя – их прочешут в первую очередь.

– Найдем, – вновь кивнул он. – Но зачем в столицу? Прямо в пасть льву!

– Слыхали поговорку: «Все дороги ведут в Москву»? Из нее тоже.

– Только не идите к евреям! – попросил он. – Их проверят в первую очередь. В Москве знают о ваших контактах с Лившицем.

– Я не собираюсь в Израиль. А куда отправлюсь, извините, не скажу. Меньше знаешь – крепче спишь.

– Хорошо! – кивнул полковник. – Но учтите: улететь за границу не удастся. Ваши имена будут в списке невыездных. Арестуют прямо в аэропорту.

– Это вряд ли, – хмыкнул я. – Михаил Мурашко останется в СССР.

Улетят Мигель Родригес и Мария Гомес. Но Хилькевичу это знать незачем.

– Что ж, до завтра, – сказал он. – Загляну к вам днем.

Я вернулся в дом, где рассказал Вике о случившемся. Показал ей аргентинские паспорта.

– Ты можешь остаться, – предложил. – Если нас возьмут в аэропорту, срок отвесят – мама не горюй! По статье «Измена Родине». И рожать придется в тюрьме.

– Собираешься сбежать от меня за границу? – сощурилась жена. – Потому пугаешь? Вот тебе! – показала кукиш. – Летим вместе. Понял?

– Си, корасон! – щелкнул я каблуками.

– Это что значит? – нахмурилась Вика.

– «Да, мое сердце» по-испански.

⁴ Билеты на поезда, кроме международных, в СССР были обезличенными. На самолет – требовался паспорт.

– Уже и язык выучил, – обличительно сказала она. – На испанок наострился? Не получится! Не позволю!

– Не больно-то и хотелось, – улыбнулся я, обнимая любимую. – Там таких красивых нет. Ты одна во всем мире...

Назавтра полковник привез билеты, да еще какие – в СВ⁵. Наверное, из служебной брони. Я проинструктировал его, как вести себя в мое отсутствие, дал указания бухгалтеру. Тамара восприняла их спокойно: для нее мы с Викой отправлялись в краткосрочную заграничную поездку. Вот и пусть так думает. До вокзала мы доехали на метро, там сели в поезд. Ночь в двухместном купе – и вот он, Белорусский вокзал, столь знакомый мне по прошлой жизни. Сколько раз я приезжал сюда и отправлялся обратно!

На перроне к нам подошел мужчина лет тридцати, невысокий, с неприметным лицом.

– Михаил Иванович? – спросил.

– Да, – кивнул я.

– Я Виктор. Следуйте за мной.

Он отвел нас к площади, на которой возвышался бронзовый Горький с тростью, еще не перемещенный в «Музеон». Потом его вернут. Мы загрузились в такую же неприметную, как и ее хозяин, «копейку». Спустя полчаса она остановилась у «хрущевки» неподалеку от ВДНХ. Спутник помог нам выгрузить чемоданы, после чего отвел в ближний подъезд. На площадке первого этажа открыл извлеченными из кармана ключами дверь с нарисованными на ней двумя двойками.

– Располагайтесь, – сказал, отдавая мне ключи. – Уезжая, бросьте их в почтовый ящик. Постельное белье и посуда в квартире есть. В соседнем доме расположена столовая. Ресторан, если есть желание, найдете сами.

– Спасибо!

Я достал из кармана пачку денег и отсчитал десять сотенных купюр.

– Новые⁶, не беспокойтесь, – сказал, вручая их Виктору.

– Я не беспокоюсь, – улыбнулся он, пряча деньги. – Удачи вам!

Наше временное обиталище представляло собой типичную советскую «хрущевку» с советской же мебелью. В комнатах чувствовался нежилой дух. Конспиративная квартира. Ее, как и сопровождающего, сосватал нам Хилькевич. В Москве откликнулись. Почему бы не заработать сотруднику КГБ? Тысяча рублей – его зарплата за два месяца.

– Ожидай меня здесь, – сказал я Вике. – Из квартиры не выходи. Тем более, без документов.

– Ты куда? – забеспокоилась она. – Почему забрал паспорта?

– Куплю билеты на самолет. Жди меня, и я вернусь.

Я подмигнул любимой и отправился. От станции метро «ВДНХ» добрался до «Добрынинской», где вышел и потопал по Большой Ордынке. Несмотря на воскресный день, у посольства Израиля было оживленно: у калитки возле решетчатых ворот толпились люди. Ничего удивительного: у евреев выходной в субботу. Спрашиваете, для чего приперся? У меня валюты ни копейки – верней, ни цента. С чем лететь за границу? Тут же мне должны. Я подошел ближе.

– Почему не пускают? – спросил у немолодого мужчины, стоявшего в стороне.

– Так рано, – пожал он плечами. – В девять начнут.

Я глянул на часы – восемь тридцать. В Москву мы прибыли в семь. Придется подождать.

– Вы документы оформлять? – поинтересовался незнакомый еврей.

⁵ Спальный вагон с двухместными купе. В описываемое время купить в них билет простому гражданину было сложно. В СВ путешествовало начальство.

⁶ В январе 1991 года в СССР прошла так называемая «павловская» денежная реформа. Банкноты достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года были выведены из обращения, вместо них выпущены новые. Обмен старых на новые был ограничен, но у ГГ есть кооператив, да и о реформе он знал заранее.

- Уже оформил, – покачал я головой. – Кое-что уточнить надо.
- А откуда сами?
- Из Минска.
- Ну, и как там у вас? – заинтересовался мужчина.

Следующие полчаса мы провели за оживленным разговором. Собеседник живо интересовался обстановкой в Белоруссии, рассказывал, почему уехал из Грозного. Вовремя сбежал. По профессии Семен Маркович оказался инженером-нефтяником. Я сообщил, что окончил МВТУ имени Баумана, работал мастером на тракторном заводе. За беседой незаметно прошло время. Наконец, людей стали запускать на территорию посольства. Милиционер у входа проверял документы, но фамилии не записывал. Я предъявил свой внутренний паспорт – специально захватил для такой цели. Заграничный может насторожить. Он открыл книжечку, глянул на фото и мазнул по моему лицу быстрым взглядом.

- Проходите, – сказал, возвращая паспорт.

Я прошел. Во дворе посольства люди выстраивались в очередь к небольшому павильону. Ну да, читал. До восстановления дипломатических отношений израильтянам запрещали работать в здании посольства, вот они и соорудили павильон. Я направился к входу мимо очереди.

- Встаньте вон туда! – остановил меня охранник. Он указал на хвост очереди.

– Мне нужно видеть Якова Казакова, – сказал я. – Сообщите, что приехал Михаил Мурашко из Минска.

– Ждите! – кивнул он и исчез за дверью павильона. Обрато вернулся вместе с Казаковым.

- Здравствуйте! – он пожал мне руку. – Идемте!

Казаков отвел меня в закуток в павильоне.

- Понадобились паспорта? – спросил, когда мы оба сели.

– Нет, – покачал я головой. – Деньги. Помнится, привозили мне тридцать тысяч долларов.

– Вы же отказались, – хмыкнул он. – Я переслал деньги в Израиль, где они ждут вас на банковском счете.

Плохо.

– Тогда сделаем так, – предложил я. – У меня с собой сберегательная книжка на предъявителя. Там пятьдесят тысяч советских рублей. Вам они пригодятся. Поменяю на доллары по любому курсу.

– Незаконными финансовыми операциями не занимаемся, – холодно ответил он. – Извините, но помочь не могу.

– Что ж, – сказал я, вставая. – Прощайте, Яков! Но запомните. Когда вам было трудно, я помог. Денег не просил. Когда проблемы возникли у меня, получил отказ. Я этого не забуду.

- Погодите! – он схватил меня за рукав. – Объясните толком: для чего вам валюта?

– Уезжаю из СССР.

– Почему не хотите израильский паспорт?

– С ним меня арестуют в аэропорту. КГБ известно о моей встрече с вашим шефом в Минске. С вами – тоже.

- Все так плохо? – спросил он.

– Да, – кивнул я.

– Как же вы уедете?

– Есть возможность. Но нужна валюта.

– Подождите меня здесь.

Он встал и вышел. Вернулся через несколько минут.

– Вот, – сказал, выложив на стол тонкую стопку зеленых купюр. – Здесь две тысячи. Все, что могу. Хватит?

- В обрез, – кивнул я и положил рядом с долларами сберегательную книжку. – Это вам.

– Не надо, – покачал он головой.

– Забирайте! – настоял я. – За границей не нужна. Не хотите взамен долларов – будет как залог. Через несколько месяцев вернусь, произведем обратный обмен. Эти доллары, как я понял, ваши личные?

– Да, – кивнул он.

– Благодарю, – я протянул ему руку. Он ее пожал.

– В самом деле, собираетесь вернуться? – спросил на прощание. – Да еще так скоро? А как же КГБ?

– К тому времени им станет не до меня, – улыбнулся я. – До свиданья, Яков!

Из посольства я отправился в центральную кассу Аэрофлота. Там было многолюдно – впрочем, как всегда. К кассам вытянулись длинные очереди. Первым делом пробежал глазами расписание. Самолет во Франкфурт вылетает сегодня в 18.20. А вот как с билетами? Заняв очередь к кассе, я отправился к справочной.

– Есть билеты до Франкфурта на сегодня? – спросил женщину в форме Аэрофлота.

– Только за валюту иностранцам, – сообщила она, заглянув в свою машинку. – За рубли кончились. Это рейс Люфтганзы.

– Жаль, – вздохнул я и отошел. Выйдя из помещения касс, покурил в сторонке, а затем, приняв независимый вид, вошел снова. От дверей сходу направился к валютной кассе – там очереди не наблюдалось.

– Гуд дей, мисс! – сказал девушке в окошке. – Тикетс ту Франкфурт тудей.

Я протянул ей аргентинские паспорта. Она взяла, пролистнула и отложила.

– Онли фест класс, – сообщила. – Вуд ю лайк ит?

– Вел, – кивнул я.

– Файф хандред твенти сикс долларс, – сообщила кассирша.

Твою мать! Больше четверти валютного запаса. За рубли дешевле. По курсу Госбанка пересчитали. А куда деваться? Я отсчитал шесть бумажек с портретом Франклина. Она взяла, распечатала билеты и вместе со сдачей вложила в паспорта.

– Хэв э найс трип! – пожелала, протянув их мне.

«Счастливо оставаться!» – едва не ответил я, но вовремя сдержался. Забрал документы и отошел от кассы.

Почему я решил лететь во Франкфурт, а не Буэнос-Айрес? В Аргентине меня никто не ждет. Я не знаю испанского языка. Если уж намылился скрыться за границей, то нужно позаботиться о куске хлеба. Клиника имени Гете – это шанс. Теперь главное – показать немцам, что умею.

Вика встретила меня поцелуями – волновалась. Успокоил, как мог, показал билеты. Мы сели за стол – ожидая меня, Вика не притронулась к еде. Пили чай, заедали бутербродами с колбасой. Что осталось, сунули в холодильник – с собой брать нельзя. Может вызвать подозрения: мы ведь иностранцы. Это у советских граждан, улетающих за границу, чемоданы забиты едой. Перед тем, как выйти из квартиры, я внимательно осмотрел Вику и себя в зеркале. Одеты по последней заграничной моде. Я в дубленке, Вика – в шубке. Оба в меховых шапках иностранного образца. Шили на заказ в ателье. На мне кепи из овчины, у жены – шляпка-котелок из норки с коротким козырьком. Под дубленкой у меня импортный пуловер и джинсы, на Вике – шерстяная юбка в клетку, кофточка и сапожки. За иностранцев сойдем.

– В аэропорту по-русски не говорить, – предупредил жену. – Станут обращаться, отвечай: «Но компрендо».

– Но компрендо, – повторила она. – Что это означает?

– «Я не понимаю» по-испански...

Заперев квартиру и бросив ключи в почтовый ящик, мы вышли к улице, где поймали «бомбилу» на «Жигулях». Услыхав про Шереметьево-2 и оценив наш вид, он заломил 500 руб-

лей. Сторговались на трехстах. Деньги у меня были, но согласиться сразу – вызвать подозрение. По пути мы молчали, будто переживая расставание с такой суммой. «Бомбила» выгрузил нас возле терминала и, получив деньги, укатил. Я взял чемоданы, и мы вошли через приветливо распахнувшиеся автоматические двери в здание аэропорта.

Регистрацию на рейс еще не объявляли, мы нашли свободные места в зале ожидания. Вновь сидели молча. Вика сжимала в своей ладошке мою руку, и со стороны мы, наверное, походили на влюбленных. Проходившие мимо люди бросали на нас взгляды и улыбались. Наконец, объявили нужный рейс. Подхватив чемоданы, мы направились к стойке.

Я опасался, что со мной заговорят по-испански, но обошлось. Борт в Германию все же – Москва – Берлин – Франкфурт. Не в Буэнос-Айрес. С сотрудницей у стойки я общался на английском. Мы сдали чемоданы в багаж и отправились на паспортный контроль. Это было главным испытанием, я старался выглядеть беспечно, что получалось с трудом. Пограничник в будочке-пенале полистал мой паспорт.

– Говорите по-английски? – спросил на языке Шекспира.

– Йес, мистер, – кивнул я.

– Почему в паспорте нет советской визы и отметки о прибытии в СССР?

– Это грустная история, мистер офицер, – вздохнул я. – В Аргентине нас убеждали, что в Советском Союзе нет преступности. И что же? В первую же неделю в Москве нас с женой обокрали в метро. У меня вытащили бумажник, ей сделали дыру в сумочке. Деньги, паспорта – все забрали, – я экспрессивно замахал руками. – Новые паспорта нам выдали в посольстве Аргентины, там должна быть отметка.

– Меньше ворон нужно было ловить, – буркнул он по-русски и спросил на английском: – Чем вы занимались в СССР?

– Мы с женой врачи, проходили стажировку в вашей клинике. Скли-фо-сов-ски, – выговорил я по слогам.

– Понял, – кивнул он и шлепнул штамп на страницу паспорта.

– У жены будет такой же, – сказал я, указав на стоявшую позади Вику. – Она не говорит по-английски. Не мучьте ее вопросами – жена плохо себя чувствует. Пятый месяц беременности.

– Донт ворри⁷, – сказал он и протянул мне паспорт.

Вика получила штамп быстро. Дальше был таможенный контроль. Я предъявил доллары, таможенник их пересчитал и вернул, сделав отметку в декларации.

– Русские рубли? – спросил на корявом английском.

Я хлопнул себя по лбу и извлек из кармана несколько смятых купюр.

– За границу вывозить нельзя, – сказал он.

– Айн момент! – попросил я. Оглянувшись, обнаружил неподалеку ряд стульев, подошел и выложил деньги на сиденье. – Ай хэв ноу рублс, – объявил, вернувшись к таможеннику.

– Проходите! – улыбнулся он, протянув мне декларацию.

Я отошел в сторонку, подождал Вику. Денег у нее не было, и таможенник пропустил жену без вопросов. Выглядела любимая неважно: бледное лицо, неуверенная походка. Прохождение границы далось ей нелегко. Хорошо, что перед этим я велел жене расстегнуть шубку. Выпирающий живот стал заметен, потому и не захотели придирааться. Будь иначе, непременно настожились бы. У пограничников взгляд наметанный.

– Чуть не сказала пограничнику: «Но компрендо», – шепнула Вика, взяв меня под руку. – Он спросил: «Мисс Гомес?» Спихватилась в последний момент и ответила: «Йес!»

⁷ Не беспокойтесь (англ).

Меня тоже потряхивало. Я взял Вика за руку и отвел в валютный бар. Наплевав на цены, заказал ей бокал вина, а себе – армянский коньяк. Выпили, я выкурил сигарету. Здесь пока еще можно курить – как в аэропортах, так и в самолетах.

Объявили посадку. Пассажиры первого класса шли на нее первыми. Мы предъявили билеты стюардессе и вошли в «Боинг». Вторая бортпроводница проводила нас к местам в начале салона, помогла Вике снять шубку. Я стащил с себя дубленку, после чего мы заняли удобные сиденья перед столиком. Стали ждать. Обернувшись, я смотрел, как салон заполняется пассажирами. Побыстрей бы! Время тянулось медленно. Наконец, все расселись, и по громкой связи прозвучало приветствие командира корабля. Зашумели двигатели, самолет стал выруливать на взлетную полосу. Разгон, и земля ушла вниз.

– Все позади? – шепнула Вика мне на ухо.

– Да, любимая, – ответил я громко. – Можешь говорить по-русски, не стесняйся. Границу мы пересекли, это немецкий самолет – территория иностранного государства. Нам ничего не грозит.

Я ошибся...

* * *

Это случилось спустя час. По салону внезапно забежали стюардессы. Они что-то спрашивали у пассажиров. Я различил слово «доктор».

– Подожди меня! – сказал Вике и отправился на шум. Подойдя ближе, разглядел неприятную картину. В кресле, скрючившись и прижав руки к животу, сидел мужчина лет сорока. Бледное лицо, капли пота на лбу. Он стонал. Вокруг бестолково сустились стюардессы. Над мужчиной склонился подошедший пассажир лет шестидесяти. Я увидел розовую лысину в обрамлении коротко стриженных седых волос. Старик что-то спросил у больного по-немецки, выслушал ответ и покачал головой.

– Приступ язвенной болезни, возможно прободение, – объявил, распрямляясь. – Нужно возвращаться в Москву. Ему, – он указал на больного, – потребуется операция.

Этого только не хватало! Бэк ин юэсэс⁸?

– Погодите! – я оттер стюардесс от кресла и склонился над больным. – Сейчас все пройдет.

Я положил руку на живот мужчины поверх его ладоней. Еще подходя, рассмотрел проблему. Точно язва, да еще большая. Только прободения нет. Небольшой посыл, и изъязвленная стенка желудка стала зарастать. Восстановить слизистую... Вот теперь все. Пациент убрал руки с живота и изумленно посмотрел на меня.

– Не болит, – сказал по-немецки.

– И не будет, – улыбнулся я. – Язвы больше нет. Только впредь следите за желудком, посещайте врача. Нельзя столь беспечно относиться к здоровью.

– Не говорите чепухи! – возмутился стоявший рядом лысый старикан. – Невозможно зарастить язву наложением руки. Я доктор медицинских наук, профессор, четверть века служу в клинике «Шарите» в Берлине.

Ага, той самой, где лечили Навального. А еще Ющенко. У обоих обнаружили с-с-страшное отравление. На молекулах яда была надпись: «От Петрова и Боширова с любовью». На английском...

– Это невозможно! – заключил профессор.

– А спросите у него, – предложил я, указав на излеченного пациента. – Нет причины возвращаться, – объявил стюардессам. – Летим дальше.

⁸ Обратно в СССР?

Они заулыбались. Старикан, что-то сердито ворча, стал обследовать бывшего больного, я вернулся к жене. Рассказал ей о случившемся. Тем временем стюардессы стали разносить ужин. Водрузив на наш стол подносы с едой, поставили бокалы и бутылку шампанского в ведерке со льдом. А еще – бутылку армянского коньяка. Ни фига себе, кормят в первом классе!

– Это от капитана корабля, – приземлила меня стюардесса. – За то, что помогли больному пассажиру.

А еще «боингу» не пришлось возвращаться. Это дополнительные расходы. Немцы считать деньги умеют.

– Данке! – ответил я.

Не успел разлить, как явился лысый старикан.

– Меня зовут Пауль Майер, – сказал, встав у столика. – Мы могли бы поговорить?

– Присаживайтесь! – я указал на свободные кресла напротив – других желающих купить билеты в первый класс за валюту не нашлось. Подождал, пока Майер устроится и представился в свою очередь: – Михаил Мурашко, целитель. Это моя жена Виктория, врач-терапевт.

– Вы русские? – поднял он бровь.

– Да, – кивнул я и остановил пробегающую мимо стюардессу. – Принесите, пожалуйста, бокал и ужин профессору.

– Айн момент! – улыбнулась стюардесса и убежала.

– Извините, что помешал, – сказал Майер. – Но меня мучит любопытство. Этот бедняга с язвой чувствует себя здоровым. Но у него явно был приступ!

– Разумеется! – кивнул я. – Но сначала поедим. Нет ничего хуже, чем беседовать на пустой желудок.

Бокал и поднос с ужином для немца принесли тут же. Я разлил напитки. Вика выбрала шампанское, я и немец предпочли коньяк. Выпили, поели. Курочка, салатик, фрукты. Вкусно. Майер ел, время от времени вопросительно поглядывая на меня. Я делал вид, что не замечаю этих взглядов. Наконец, подносы унесли.

– Прозит! – я поднял бокал с коньяком.

– Прозит, – отозвался он и пригубил. – А теперь могу спросить?

– Пожалуйста, – кивнул я.

– Вы действительно залечили язву этому бедняге?

– Натюрлих! – сообщил я.

– Как можно это сделать, не видя пораженного органа?

– Почему не видя? Вот возьмем вас. На левой голени старый шрам – видимо, ранение. Пострадала кость – оскольчатый перелом. Он зажил, но следы остались.

– Осколок, – буркнул он. – Нашу колонну в 1945-м разбомбили американцы. Вы могли это угадать – я слегка прихрамываю.

– Еще один шрам от операции на животе. Швы видны. А еще рубец на желудке – видимо, следствие резекции.

– Прободная язва, – потрясенно сказал он. – Герр Мурашко, это невозможно! Вы видите меня впервые.

А еще и насквозь!

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – процитировал я Шекспира в немецком переводе. – Я официально признанный в СССР целитель, герр Майер. Моя компетенция подтверждена Министерством здравоохранения Белоруссии. Практикую в трех клиниках в Минске. Основная специализация – детский церебральный паралич. Счет исцеленных мною детей пошел на тысячи. Среди них есть и немецкий мальчик – его привозили в Минск. В настоящее время в составе официальной делегации лечу во Франкфурт. Руководство клиники имени Гете пригласило меня продемонстрировать свое умение. Исцеле-

ние от язвы, свидетелем которого вы стали – мелочь. Церебральный паралич куда сложнее. Или слепота.

– Вы исцеляете слепоту?!

– Если у пациента сохранилось хотя бы два процента зрения. Работаю преимущественно с детьми – с ними легче.

– Из Франкфурта вернетесь в СССР?

– Зависит от обстоятельств. Я поработал бы в Германии, но, боюсь, не разрешат.

– Одному – да, – кивнул он. – Но под эгидой авторитетной клиники... Предлагаю «Шарите». Если все, что вы сообщили, правда...

– Не сомневайтесь, герр Майер! Демонстрация моих умений в клинике Гете убедит даже закоренелых скептиков. Вот увидите!

– Только не оставайтесь там! – сморщился он. – Западные немцы высокомерны. Мы, восточные, проще и открыты для общения. Да и с русскими дружим. Я как раз летал в гости к московским друзьям.

Началась вербовка. Это хорошо. Без куска хлеба не останусь.

– Подумаю, герр Майер!

– Держите! – он протянул мне визитку. – Звоните в любое время.

Я взял и поблагодарил. К моменту посадки «Боинга» в Берлине мы прикончили коньяк и заполировали это дело шампанским. Не пропадать же добру! Думаете, немец возражал? Счас! На халяву они пьют, пока не упадут. Вика в этом не участвовала – спала, прислонившись щекой к спинке кресла. С Майером мы расстались тепло. Дружить семьями он, правда, не предложил. Не наш человек...

3

Хоть и летели мы вслед за солнцем, но в аэропорт Франкфурта прибыли поздним вечером. Да еще посадка в Берлине... Получили багаж и отправились на стоянку такси. По пути я нашел работавший пункт обмена, где за сто долларов получил 145 марок. Грабительский курс⁹, конечно, но куда денешься? В аэропортах он всегда такой.

За поездку таксист затребовал 25 марок – ночной тариф. Жадина! Тут ехать-то десяток километров. Пришлось раскошелиться. Новое огорчение ждало нас в отеле. Гостиницу я выбрал ту, которую определила нам приглашающая сторона. Рассчитывал на халяву. А вот сейчас! Полистав наши советские паспорта и сверившись с бумагами, портье покачал головой:

– К сожалению, герр Мурашко, номер для вас с супругой заказан только с завтрашнего числа. Если будете селиться сейчас, придется заплатить 60 марок.

Вымогатели немецкие! Можно было поискать гостиницу подешевле, но, глянув на сонную Вика, я достал кошелек. Грабьте! Ничего, мы с вами сочтемся. В номере мы скоренько приняли душ, почистили зубы и повалились спать, не разбирая чемоданов. Завтра...

Проснулся я от осторожного поглаживания: кто-то ласково касался моего лица. Открыл глаза: Вика. Склонилась надо мной и бережно трогает мою щеку пальчиком.

– Вставай, соня! – улыбнулась жена. – Уже девять.

– Это по московскому времени, – хмыкнул я. – Мы не переводили часы. Здесь восемь или семь, нужно уточнить.

– Все равно пора, – не согласилась супруга. – Завтракать пора. Есть хочу!

Пришлось вставать и тащиться в ванную – мыться, бриться, чистить зубы. В ресторан отеля мы отправились спустя полчаса. На входе предъявили официанту ключ от номера – завтрак входит в стоимость проживания, и прошли в зал. Кормили по принципу шведского стола – подходишь к раздаче и берешь, на что глаз лег. Выбор, правда, скромный. Сыр, нарезанный полупрозрачными ломтиками, несколько сортов ветчины, масло, булки, кофе, чай. Я не стал скромничать и навалил себе полную тарелку.

– Можно брать столько хочешь? – удивилась Вика.

– Сколько съешь, – успокоил я. – А вот выносить запрещено. Не стесняйся, милая! Объедем немцев! Они содрали с нас 60 марок. Мы съедем на сто!

Вика фыркнула, но примеру последовала. Мы отнесли тарелки к столику, я сходил за напитками. Вике принес чай, себе – черный кофе. Следует взбодриться – последствия вчерашнего загула в самолете давали о себе знать. За столом Вика пыталась соорудить из булочки бутерброд. Я отобрал, разрезал булку по высоте, намазал половинки маслом и навалил на одну сыра, на вторую – ветчины.

– Ешь! – придвинул любимой.

– В меня столько не влезет, – усомнилась она.

– Еще как! – успокоил я.

Влезло. Из ресторана мы выбрались сытые и довольные. Поднялись к себе, разобрали чемоданы, переоделись и отправились гулять. У портье я спросил адрес ближайшего банка – тот помялся, но назвал. Наверняка хотел, чтоб менял доллары у них. А вот сейчас! Знаем ваши курсы.

Во Франкфурте стояла весна. Пригревало солнце, дул легкий ветер. Вот такой у них февраль. Хорошо, что не взял шапку. А вот Вика парилась. Я предложил ей вернуться в отель и переодеться.

– Потерплю, – замотала она головой. – Ничего страшного.

⁹ В 1991 году доллар стоил 1,66 немецкой марки.

Наши меховые наряды вызывали удивленные взгляды прохожих, женщины смотрели на супругу с завистью. Ну так, норковая шубка. В Германии это очень дорого. В газетном киоске я купил карту Франкфурта и нашел нужный адрес. Банк находился рядом. Там я поменял 300 долларов. Вышло около 480 марок – это вам не в аэропорту... У меня осталась еще тысяча долларов с небольшим. М-да, деньги утекают. Нужно срочно искать заработок.

Я нашел на карте ближайший универсальный магазин и предложил супруге посетить. Предложение было с благодарностью принято. Советскому человеку побывать за границей и не зайти в магазин – нонсенс. Посещение затянулось на пару часов. Вика рассматривала, щупала, примеряла. В результате купила кое-что из белья и парфюм, облегчив мой бумажник на пятьдесят марок.

– У нас пока мало денег, – объяснила. – Вот заработаем, тогда.

Золото у меня, а не жена! Другая стала бы капризничать, требовать наряды. И плевать ей, что считаешь каждый пфенниг.

На обратном пути мы заглянули в небольшое кафе, где недорого и вкусно пообедали. В номере разобрали покупки и завалились в кровать отдыхать.

– Только сейчас поверила, что мы за границей, – сказала супруга, пристроив голову на моем плече. – Другая архитектура, все вокруг говорят по-немецки. Хорошо, что язык знаешь. Я бы потерялась.

– Не так уж хорошо говорю – практики не было, – вздохнул я. – Читаю и пишу куда лучше.

– Освоишь, – ободрила жена. – Ты у меня умный – видишь далеко вперед. Аргентинские паспорта раздобыл, доллары достал, через границу нас протасил. Даже думать не могла, что такое можно.

– То ли еще будет! – усмехнулся я. – Мы еще заставим мир вздрогнуть.

– Я люблю тебя! – она чмокнула меня в щеку. – Очень, очень...

Мы не заметили, как уснули. Долгий перелет, да еще нагулялись. Разбудил меня телефонный звонок. Я сорвался с постели и схватил трубку. Это был портье.

– Вы просили сообщить о прибытии советской делегации, – сказал по-немецки. – Она здесь.

Ну да, просил, даже пару марок дал. Здесь ничего не делают бесплатно.

– В каком номере герр Воронов? – уточнил я.

– Сорок семь.

– Данке, – поблагодарил я и положил трубку.

– Что там? – сонно вымолвила Вика, оторвав голову от подушки. – Кто звонил?

– Портье. Наши прибыли.

– Ты пойдешь к ним?

– Загляну к Владимиру Сергеевичу. Нужно объясниться.

– Мне с тобой?

– Отдыхай. Мужской разговор.

– Что собираешься сказать?

– Правду. Кроме аргентинских паспортов. Ты о них тоже молчи. Мы просто прилетели днем раньше.

– Хорошо, – кивнула она. – Расскажешь, как вернешься.

Номер «47» был этажом ниже. Я спустился и постучал.

– Да! – раздалось из-за двери.

Я нажал на ручку и вошел. Воронов стоял с рубашкой в руках – разбирал чемодан. Оpozнав меня, едва не уронил ее на пол.

– Михаил Иванович!!!

– Здравствуйте, Владимир Сергеевич! – сказал я. – Прилетели?

– Да, – он бросил рубашку на кровать. – Вы откуда здесь? На вокзале в Минске нам сказали: передумал ехать. Я не знал, как поступить. Отменять поездку или нет? Опозоримся ведь без вас.

– Извините, – повинулся я. – Была веская причина. Разрешите объяснить?

– Надо Терещенко позвать, – предложил министр. – Он больше всех переживал.

Семен Яковлевич жил в соседнем номере, прибежал тут же. Обнялись. Минутой спустя, примостившись на кровати, я рассказывал про наш анабазис¹⁰. Слушали с хмурыми лицами.

– Ну, и что дальше? – спросил Воронов, когда я смолк. – Как понимаю, возвращаться в СССР вы не собираетесь?

– Сейчас – нет, – подтвердил я. – Как-то нет желания пребывать в застенках КГБ.

– Вот же, сволочи! – саданул кулаком по столу Терещенко. – И сюда влезли. Засвербело им! И вот кто теперь будет исцелять деток? Мразь кагэбэшная!

– Успокойтесь, Семен Яковлевич! – поспешил министр. – Не кричите так громко. Через дверь куратора поселили. Не хватало неприятностей по возвращении. Что вы собираетесь делать, Михаил Иванович? – посмотрел на меня.

– Отработаю предложенную немцами программу. Мы ведь для того сюда летели? А куратору скажу, что прилетел с женой днем раньше. Захотелось посмотреть на Франкфурт, побродить по городу. Он, кстати, мной интересовался?

– Удивительно, но нет, – ответил Воронов. – Когда раздавал билеты в аэропорту, ваших там не было.

– Значит, знал, – хмыкнул я. – Вот и подтверждение. Не собирались меня из страны выпускать.

– Как вам удалось улететь? – заинтересовался министр.

– Мы их опередили.

– Ясно, – кивнул Воронов. – Хорошо, программу отработаем, ну а дальше?

– Вы вернетесь в СССР, мы с женой останемся.

Министр сморщился.

– Никаких антисоветских заявлений, просьб о политическом убежище не последует, – успокоил я. – Мы останемся в Германии по просьбе немецкой стороны.

– А она будет? – усомнился Воронов.

– В одну клинику уже пригласили, – улыбнулся я. – Прямо в самолете. Немцу язву залечил, чтобы самолет не возвращали в Москву. Рядом случился профессор из клиники в Берлине. Дальше объяснять?

– Договорились! – сказал министр и глянул на часы. – Через час ужин в ресторане. Будет принимающая сторона – вроде, управляющий клиникой. Приходите с Викторией Петровной.

Мы пришли. Члены делегации толпились у накрытого стола. Не садились – ждали хозяев. Воронов познакомил нас с переводчиком Сергеем, которого так и тянуло звать Сережей и куратором с говорящей фамилией Слиzeńь. Имя-отчество у кагэбиста было пафосным – Вилор Кимович¹¹. На нас с Викой он вытаращился, как на восставших из ада.

– Михаил Иванович и Виктория Петровна прилетели днем раньше, – объяснил министр. – Захотели Германию посмотреть.

Кагэбист сглотнул и вытащил из кармана пачку сигарет.

– За столом попрошу не курить, – цыкнул я. – У меня жена беременная.

Слиzeńь наградил нас злобным взглядом и вышел. Почти тут же явилась принимающая сторона: управляющий клиникой Шредер и профессор Вольф. Познакомились, расселись и

¹⁰ Анабазис – современное значение – длительный поход воинских частей по недружественной территории. ГГ использует этот термин в ироническом смысле.

¹¹ ВИЛОР – Владимир Ильич Ленин – организатор революции. КИМ – Коммунистический интернационал молодежи. Нередкие в то время «революционные» имена.

приступили к ужину. Нам подали запеченную рульку, гороховый суп с ветчиной, колбасную нарезку. Пиво, шнапс, вино по желанию гостей. Немцы налегли на пиво, мы отведали шнапса, Вика и Сережа попросили вина. Глотнув немецкого самогона, Воронов сморщился и поставил на стол извлеченную из портфеля «Столичную». Немцы оживились и придвинули свои рюмки ближе. Знакомая история.

Атмосфера за столом быстро потеплела. Завязалась беседа специалистов. Медики всегда поймут друг друга. Воротившийся с перекура кагэбист в разговор не вмешивался – мрачно пил и ел. Воронов согласовал со Шредером повестку завтрашнего дня, уточнив ряд деталей. До обеда – доклады министра и Терещенко, после – показательные выступления фигуристов. Пардон, целителя.

– Сколько детей вы готовы исцелить, герр Мурашко? – обратился ко мне Шредер.

– Сколько есть? – поинтересовался я.

– Мы приготовили десять пациентов с разной стадией ДЦП, – подключился Вольф. – Их родители дали согласие на участие в эксперименте.

– Среди пациентов есть больные олигофренией?

– Нет, – покачал головой профессор. – Мы слышаны, что с такими вы не работаете.

– Значит, всех и исцелю.

Немцы вытаращились на меня.

– И еще, – подбросил я хворосту в огонь. – У вас есть слепые дети?

– Вы и слепоту лечите? – изумился Вольф.

– Если сохранилось хоть немного зрения. Два-три процента.

Профессор переглянулся с управляющим.

– Поищем, – кивнул Шредер. – Сколько будет – не скажу, предстоит согласовать с родителями, но найдем.

На том и порешили. Управляющий раздал членам делегации конверты с командировочными. В номере мы с Викой посчитали – 150 марок на нос. Небогато, но хоть что-то.

– Завтра у нас напряженный день, – объявил на прощание Шредер. – А вот следующий в вашем распоряжении. Можете осмотреть город, посетить магазины, приобрести сувениры для родных. Или побывать, скажем, в варьете, посмотреть стриптиз, – улыбнулся он, показав вставные зубы.

– Никакого стриптиза, товарищи! – поспешил куратор, едва немцы удались. – Мы же советские люди.

Я едва не расхохотался. В прошлой жизни слышал историю. Группа советских туристов посетила Будапешт. Среди них, естественно, был куратор. Строго наблюдал, чтоб никто из группы не позволил себе лишнего, обличал загнивающий Запад и подпавших под его влияние венгров. На прощание хозяева отвели советских туристов в варьете. Полуголые девочки танцевали канкан. Помешать им куратор не мог, потому мрачно пил. Алкоголь снес ему тормоза. Подбежав к сцене, куратор принялся целовать девочкам ноги и хватать их за всякие места. Еле оттащили. Всю обратную дорогу в СССР ревнитель морали просидел, не поднимая головы...

* * *

Медицинская конференция – это скучно. Калька с партийных собраний в СССР. За столом на сцене – члены советской делегации, представители принимающей стороны, в зале – персонал клиники. Ее лучшие врачи, как сказали нам. Поначалу немцы смотрели на нас с любопытством, но потом заскучали. Было отчего. Воронов вспомнил, что он министр, и посвятил свой доклад успехам советской медицины. Цифры, факты, проценты. Где столько наковырял? На фига это немцам? Эстафету перенял Терещенко. Рассказал о своей клинике, замечательном персонале, который, не жалея сил... Пациенты все, как мухи, выздоравливают. Об отделении

для детей с ДЦП только упомянул. Дескать, есть такое, и добилось выдающихся успехов. А каких именно, расскажет заведующая отделением.

Вика вышла к трибуне третьей.

– Только не вздумай про космические корабли, которые бороздят просторы Большого театра, – шепнул я. – Не уподобляйся своим начальникам, не то все уснут. Только цифры и факты.

Любимая не подвела. Сообщив дату создания отделения и численность персонала, назвала количество излеченных детей.

– У меня все, – завершила доклад.

– Извините, фрау! – вскочил в зале какой-то растрепанный тип. – Я профессор Хофман. Правильно ли я расслышал число? Три тысячи семьсот сорок восемь исцеленных детей?

– Именно так, герр Хофман, – подтвердила Вика, выслушав перевод от Сережи.

– И все это за семь месяцев с небольшим? Силою четырех врачей и шести медсестер?

– С нами еще работает целитель, – улыбнулась любимая. – Ему и принадлежит главная заслуга. Я не включила его в число персонала, поскольку Михаил не состоит в штате клиники. Трудится как привлеченный специалист.

– Извините, фрау, но не верю! – заявил встрепанный. – Этого не может быть!

Он победным взором оглядел зал.

– Не спешите с выводами, герр Хофман, – встал я. – Во второй половине дня у вас будет возможность убедиться в правоте слов заведующей отделением. А теперь, дамен унд херрен, отпустите нас на обед. Есть очень хочется.

Я скорчил умильную рожу. Немцы засмеялись и зааплодировали. На обед нас отвезли в ресторан в центре города.

– Заказывайте, что хотите, – предложил сопровождавший нас Шредер. – Все оплатит клиника. Я же вас покидаю. Извините, дела.

Он мотнул головой и удалился. Мы расселись за свободным столиком. Воронов, Терещенко, я, Вика и переводчик Сережа. Куратора с нами в клинике не было – исчез куда-то после завтрака. Вот и хорошо – противно видеть эту кислую рожу. К нам подошел официант – парень лет двадцати с небольшим.

– Здравствуйте, товарищи, – произнес на ломаном русском. – Меня зовут Марко, я югослав и немножко говорю по-русски. Что будете заказывать?

– Какой-нибудь нормальной еды, – попросил я. – Никаких немецких специалитетов, вроде запеченной рульки или горохового супа.

– Понял, – улыбнулся он. – Есть вкусные сосиски с капустой. Натуральные, из свежего фарша. Крем-суп, ржаной хлеб, десерт выберете позже.

– Тащите! – велел я, рассмотрев одобрение в глазах членов делегации.

– Напитки?

– Для начала всем по кружке пива. Далее посмотрим.

Марко кивнул и умчался. Очень скоро вернулся с пивом. И вот тут все случилось. Мы едва омочили губы в пенном напитке, как приперся Слизень. И откуда принесло? Куратор быстро вошел в зал, покрутил головой, разглядел нас и подлетел к столу.

– Товарищ Мурашко! – почему-то обратился ко мне. – Я звонил в посольство. Сообщили, что вы с женой не покидали СССР.

– Но мы здесь, – улыбнулся я.

– Вы выехали нелегально.

– То есть как? – хмыкнул я. – Через колючую проволоку на границе перелезли? Не гоните пургу, Вилор Кимович. Лучше выпейте пива – здесь оно отменное.

– Покажите свой паспорт! – протянул он руку.

– На каком основании? – поинтересовался я. – Кто вы такой, чтоб его требовать? Вот сидит руководитель делегации, – я указал на Воронова. – Между прочим, министр и доктор медицинских наук. Если он попросит меня показать паспорт, я, возможно, соглашусь. Вы же для меня – никто.

– Не забываетесь! – взвизгнул Слижень. – Вы прекрасно знаете, кого я представляю. Паспорт!

– А вот этого не хотел? – я сунул ему в нос кукиш. – Пошел на хрен, шестерка кагэбэшная! Не порти людям аппетит.

– Вы... Ты пожалеешь! – выплюнул он, повернулся и выбежал из зала.

– Суп! – раздалось сбоку.

Я повернул голову. Марко стоял с подносом, уставленным тарелками. Наверняка, все слышал.

– Раздавай! – кивнул я. Югослав расставил тарелки, подмигнул мне и скрылся.

– Приятного аппетита, товарищи! – пожелал я.

Обед прошел в полном молчании – Слижень все же испортил людям настроение. Когда все встали, я попытался дать Марко на чай.

– Не! – покачал он головой. – Все оплачено.

– Даже чаевые?

– Да, – кивнул. – А еще лепо было поглядать, ако вы гнали того педера¹².

Микроавтобус отвез нас в клинику. К показательному выступлению целителя немцы подошли скрупулезно. Перед сценой конференц-зала стояли десять инвалидных колясок с детьми и подростками. Проходя мимо, я привычно просканировал их. Есть пара тяжелых, но с олигофренией не наблюдается. Справимся. Людей в зале заметно прибавилось, что не удивительно.

– Вы готовы, герр Мурашко? – спросил Шредер.

– Да, – кивнул я. – Пусть коляски развернут лицом к залу. Объявите пациентам, что они будут чувствовать холод в затылке. Чтобы не пугались. Это нормально.

Управляющий отдал распоряжение. Подбежавшие служители развернули коляски, и я начал. Рука на затылок пациента... В этом нет нужды, но зачем немцам знать? Жара больше нет, следующий... Я работал привычно, переходя от коляски к коляске. Детки вели себя смирно – ну, так немчики. Наши иногда начинают дергаться и спрашивать. Возле двух тяжелых задержался подольше: загасил сначала жар в коре головного мозга, после в позвоночном столбе.

– У меня все, – объявил, закончив с последним пациентом.

– То есть как? – вскочил в зале тот же встрепанный. Как его? Хофман? – Неужели дети здоровы? И часа не прошло!

– Можете проверить, – улыбнулся я. – Нервные связи восстановлены, рефлекс в норме. Ходить им пока трудно: мышц почти нет, да и связки не готовы к нагрузкам. Понадобится реабилитация. Проведите ее правильно, и через год дети будут бегать.

– Не верю! – замотал головой профессор.

Я пожал плечами и подошел к ближней коляске. В ней сидел мальчик лет двенадцати.

– Как тебя зовут? – спросил.

– Курт, – ответил он.

– Ты ходишь, Курт?

– Только с мамой, – покрутил он головой. – Она меня держит. Одному не получается.

Значит, мышцы есть, да и связки выдержат.

– А теперь сможешь сам. Встань!

¹² Педер – нехороший человек по-сербски.

Я протянул ему руки и помог выбраться из коляски.

– Иди! – сказал, отпустив его.

Он сделал осторожный шаг. Покачнулся – и второй. А затем – сразу несколько по направлению к залу. Чуть вихляя, подволакивая ноги, он шел – и довольно уверенно.

– Мама! – восторженно закричал Курт, остановившись и высматривая кого-то среди публики. – Посмотри! Я могу ходить сам!

Из зала к нему метнулась женщина. Подскочив, обняла и залилась слезами. Эта сцена будто взорвала собрание. Все вскочили с мест и загалдели. К пациентам побежали родители и врачи. Если первые пытались достать детей из колясок, то вторые им препятствовали, что-то объясняя. Воцарился бедлам. Шредер попытался звонить в колокольчик, но его не слышали. Мне это быстро надоело, и я вскочил на сцену.

– Тихо! – рявкнул изо всех сил.

В зале замолчали и уставились на меня.

– Дорогие родители пациентов, – я приложил руку к груди. – Не пытайтесь заставлять детей ходить. Они к этому еще не готовы. Пусть их обследуют доктора клиники и назначат курс реабилитации. Выполняйте указания врачей, и увидите результат. Он будет скоро. Данке.

– Благодарю, герр Мурашко, – подключился управляющий. – Надеюсь, все слышали нашего гостя? Попрошу увести пациентов.

Указание выполнили, и в зале на короткое время установилась тишина.

– Дамен унд херрен! – обратился к присутствующим Шредер. – Герр Мурашко предложил нам показать еще один аспект своего дарования. Речь идет о слепоте.

По залу будто пробежал ветерок.

– Наш гость, – продолжил управляющий, – пообещал исцелить детей, у которых сохранилось хотя бы несколько процентов зрения. Мы нашли таких пациентов. Попрошу их ввести.

Отворилась задняя дверь, и в зал вкатили три коляски. Спрашивается, на фига? Можно ведь и за руку. Любят здесь эти агрегаты. Следом за пациентами ввалилось несколько человек с фотоаппаратами и вспышками.

– Это кто? – спросил я Шредера, указав на группу.

– Репортеры, – объяснил он. – Услышали, что какой-то русский будет творить чудеса, и пожелали присутствовать. А что делать, герр Мурашко? Германия – свободная страна, я не в силах запретить.

Ой, темнит немец! А, с другой стороны, почему бы и нет?

– Попрошу репортеров с фотоаппаратами подойти к сцене, – объявил я.

Подчинились.

– После того, как исцелю детей, не бейте их вспышками в лица, – попросил я. – Можно обжечь ярким светом сетчатку глаз ребенка. Договорились?

Репортеры закивали. Надо же, какие послушные!

– Вас можно снимать? – спросил один, с седыми волосами.

– Сколько угодно. С детьми будьте осторожны.

Я прыгнул со сцены и подошел к коляскам. Деткам завязали глаза – это хорошо. Заранее попросил. Что имеем? Два мальчика и одна девочка в возрасте от семи до четырнадцати лет. Нормально. Просканировал – атрофия зрительного нерва у всех. Причины разные, но работать будем.

Я положил руку на глазницу девочки.

– Будет немножко покалывать, но ты терпи, – попросил.

– Гут, – ответила она тихо.

Начали. Работал я не так быстро, как с пациентами с ДЦП – ну, так опыт совсем небольшой. Повозился. Да еще фотографы крутились вокруг, слепя вспышками. Но справился.

– Все, – сказал, обернувшись к залу. – Попрошу задернуть шторы – яркий свет детям сейчас противопоказан. Репортеров прошу снять вспышки с фотоаппаратов.

Удивительно, но все подчинились без звука. Немцы... Я по очереди стащил повязки с глаз детей. Они встали и закутали головами. Люди в зале начали подниматься с мест.

– Как тебя зовут? – спросил я стоявшую рядом девочку.

– Лотта, – отозвалась она.

– Видишь того дядю? – я указал на надоевшего Хофмана.

– Да, – кивнула она. – У него волосы встрепанные. Ходить непричесанным неприлично, – добавила важно.

Зал взорвался хохотом. Хофман смутился. Воспользовавшись моментом, к детям подбежали родители. Пациенты стали им что-то говорить, тыча во все стороны пальчиками. Матери вытирали слезы. Ко мне подошел седовласый репортер.

– Герр Мурашко, – попросил. – Мы могли бы снять вас вместе с исцеленными детьми?

– Если только без вспышек, – напомнил я.

– Выйдем из здания, – предложил репортер. – Там света достаточно.

Так и поступили. Принять участие в фотосессии захотели многие. Репортеры привычно выстраивали сцены. Руководство клиники и советская делегация застыли на ступеньках перед входом в клинику. Вот Шредер пожимает руку русскому целителю. Персонал клиники окружил гостей из СССР, и они оживленно беседуют. Исцеленные дети с экстрасенсом из Советского Союза. Семилетняя Лотта у меня на руках, мальчики прижались с боков. Благодарные немецкие матери обнимают целителя...

Провозились почти до ужина. В этот раз Шредер отвез нас в шикарный ресторан в центре Франкфурта. Кроме него, принимающую сторону представляли уже знакомый нам Вольф и... Хофман.

– Наш ведущий специалист в области неврологии, – отрекомендовал его управляющий.

– Рад познакомиться, профессор, – сказал я, пожимая руку встрепанного. Он, к слову, так и не причесался.

– Можете обращаться ко мне запросто, – ответил Хофман. – Считайте, коллеги. Я обследовал исцеленных вами детей. Вы правы: рефлексy восстановились у всех. Пациентов ждет реабилитация, но это не вызывает опасений за их будущее. Как вы это делаете, герр Мурашко?

– Сам не знаю, – пожал плечами. – Господь Бог наградил меня даром, я его использую.

– Вы верите в Бога? – удивился он. – Будучи коммунистом?

– Я не состою и никогда не состоял в коммунистической партии. И не собираюсь в нее вступать.

– Господа! – прервал нашу беседу Шредер. – Прошу всех за стол.

Ужин прошел, что называется, в теплой и дружеской обстановке. Звучали тосты за советско-немецкую дружбу, были шутки и много смеха. Хофмана подкалывали за его вечно встрепанный вид, профессор смеялся вместе со всеми. Было видно, что к шуткам насчет своей внешности привык. Владимир Сергеевич поблагодарил немцев за теплый прием и пригласил в Минск. Те обещали подумать. Я веселился вместе со всеми и ждал. Не зря. Улучив момент, Шредер отвел меня в сторону.

– Как смотрите на то, чтобы поработать в нашей клинике? – задал ожидаемый вопрос.

– А разрешат? У меня нет медицинского диплома.

– Это не ваша забота, – улыбнулся он. – Формальности беру на себя. Как и разрешение для вас с супругой проживать в Германии.

– Данке, – кивнул я. – Осталось уточнить вопрос с оплатой.

– Десять тысяч марок в месяц! – победно объявил он. – Как профессору и доктору наук.

– Не пойдет, герр Шредер, – покачал я головой.

– Почему? – изумился он.

– Небольшой урок арифметики. Я в состоянии исцелить за день не менее двадцати детей. Предположим, работаю двадцать дней в месяц. Итого – четыреста пациентов. Делим десять тысяч на четыреста, получаем двадцать пять марок. Двадцать пять марок за исцеление от неизлечимой болезни! Извините, но я не работаю за миску супа.

– Сколько вы хотите? – буркнул он.

– В СССР мне платят пятьсот рублей за пациента. По курсу Государственного банка СССР это тысяча двести пятьдесят марок. А теперь ответьте: почему немец должен платить мне в пятьдесят раз меньше? И какой смысл мне соглашаться на такие условия?

Он закашлялся.

– Вы хотите получать больше звезд Бундеслиги, – произнес с осуждением.

– Ну, так в чем вопрос? – лучезарно улыбнулся я. – Пригласите футболистов исцелять детей. Вместе порадуемся. Извините, но пора за стол. Коллеги заждались.

– Погодите, герр Мурашко! – ухватил он меня за рукав. – Я подумаю над вашими условиями. Кое-что придется согласовать. Вы ведь не уезжаете завтра?

– Нет, – успокоил я. – Но через день планировал отправиться в Берлин. У меня приглашение из клиники «Шарите».

– Эти осси¹³ не заплатят больше, – замахал он руками. – У них нет денег. Не спешите уезжать, герр Мурашко – мы договоримся.

– Буду ждать, – кивнул я.

– Получили от немцев предложение? – спросил Воронов, когда мы вернулись за стол.

– Да, – ответил я. – Все, как обещал. Они берут на себя формальности по нашему пребыванию здесь. Осталось уточнить вопрос оплаты, но, думаю, договоримся. Все будет тихо.

– Хорошо бы так! – вздохнул он.

– Не волнуйтесь, Владимир Сергеевич! – улыбнулся я.

Рано радовался...

¹³ Осси – популярное в Германии название восточных немцев из бывшей ГДР.

4

Проснулся я от чувства тревоги. Разлепив глаза, полежал чуток, размышляя: что не так? И понял. В коридоре перед дверью в номер наблюдалось три ауры. Одну узнал сразу – Слизень, остальные незнакомы. Я вскочил и прошлепал босыми ногами к двери. Ауры стали ярче и четче. Они обрисовали тела незнакомцев. У одного в районе поясницы темнело пятно в форме пистолета. Твою мать!

Я метнулся в комнату и включил настольную лампу. Схватил трубку телефона и набрал номер портье.

– Это Мурашко из номера пятьдесят три, – сказал, когда тот откликнулся. – В коридоре за дверями моего номера наблюдаю трех грабителей. Один из них вооружен пистолетом. Похоже, замышляют недоброе. Прошу вызвать полицию.

– Вы уверены? – растерялся он. – В том, что это грабители?

– У вас в гостинице постояльцы часто ходят с огнестрельным оружием? Звоните! Не то буду жаловаться.

Положив трубку, я метнулся обратно к двери. Не благая троица тем временем завершила совещание и подошла ближе. Один из незнакомцев достал что-то из кармана – похоже, связку ключей – и начал ковыряться в замочной скважине. Черт! Засова нет, не запрешься. С внутренней стороны на замке лишь ручка, помогающая открыть дверь изнутри. Защелкивается замок автоматически. Если ключ или отмычка... Что делать? Нет, я могу устроить злыдням за дверью по инфаркту с инсультом в придачу. Только вот нельзя. Сопоставить факты и прийти к выводу – как два пальца об асфальт. Кто в номере живет? Экстрасенс. Почему умерли нежеланные гости под его дверью? Дальше объяснять? В следующий раз КГБ (ребята явно оттуда) будут действовать иначе. Например, пригласят снайпера... Да и немцы не обрадуются появлению уника на своей земле. Вот же гадство! За что ни схватишься, того и не применить.

Замок щелкнул. Незнакомец в коридоре спрятал ключи в карман и нажал на ручку. Я навалился плечом на дверь. Он подергал за ручку, толкнул – не поддалась.

– Кто-то удерживает дверь, – сказал подельникам.

– Это он! – подскочил Слизень. – Больше некому. Навались!

Он уперся плечом в полотно двери. Присоединился и третий кагэбист. Я мужчина не слабый, но тягаться с троими... Постепенно, сантиметр за сантиметром, дверь стала приоткрываться. Глаза мои адаптировались к полумраку, так что наблюдал это отчетливо. Черт! Где же кавалерия? Или портье в полицию не позвонил? Внезапно в щель между косяком и дверным полотном просунулась рука, и я разглядел в ней небольшой продолговатый предмет. Баллончик с газом? Ну, нах! Перехватил руку левой и с силой впечатал ее в косяк. В коридоре вскрикнули, пальцы гада разжались. Подхватив баллончик, я развернул его разбрызгивателем к коридору и нажал на кнопку. Белесая струя с шипением вылетела из емкости и скрылась в щели между дверью и косяком. Пара секунд – и баллончик пуст. Я зашвырнул его обратно в коридор.

Давление на дверь ослабло. Я впечатал ее в косяк. Щелкнул замок. Что там за дверью? Весело – три фигуры бестолково металась в коридоре. Ну, так газ. Интересно, перечный или слезоточивый? Как-то раз, еще в той жизни, кто-то небогатый на мозги распылил баллончик с газом в магазине. Вроде, что-то с кем-то не поделил. Через несколько секунд зал опустел. Я вылетел на улицу в мгновение ока вместе с толпой покупателей. Непередаваемые были ощущения...

Один из ночных гостей метнулся к торцу коридора и распахнул окно. Есть там такое. К нему тут же подтянулись остальные. Несколько минут они стояли там, жадно дыша и вытирая глаза носовыми платками. Не понравилось? Ну, так валите на хер!

Валить они не захотели. Продышавшись, отправились обратно. Упрямые, суки! Ну, что делать? Второй акт Марлезонского балета? Завалить одного? Остальные точно уберутся. Нет, не выход. Но внезапно все изменилось. Один из нападавших достал из кармана какой-то предмет и поднес к уху. Выслушав, сказал что-то остальным, сделав жест рукой. Все трое развернулись и побежали к лестнице. Перед ней на короткое время остановились и стали выворачивать карманы. Ага, там же урна стоит. Избавившись от компромата, троица побежала вниз. Я с облегчением вздохнул: кажется, кавалерия появилась.

Не ошибся: через пару минут коридор заполнили фигуры с незнакомыми аурами. Одна из них подошла к двери номера и постучала. Я открыл дверь.

– Герр Мурашко? – передо мной стоял полицейский в боевом облачении: каска, бронежилет, пистолет в оперативной кобуре на поясе. На синем погоне одна серебряная звездочка.

– Я, герр офицер.

– Полицайкомиссар¹⁴ Вебер, – представился он. – Это вы просили вызвать полицию?

– Да, герр комиссар. В мой номер ломались агенты КГБ. Собирались похитить меня с женой.

– Чем подтвердите ваши слова? – поднял он бровь.

– Смотрите! – я указал на валявшийся у дверей баллончик. – Для начала они попытались распылить в номер газ. Мне удалось выхватить баллончик и распылить в них. Они отдышались у окна и вернулись. Но потом им, видимо, сообщили по рации о вашем приезде, и они убежали. Перед этим избавились от улики. Идемте, покажу.

Как был, в трусах и босой, я отвел их к урне. Вебер заглянул в нее и присвистнул. Ну, так было от чего – через его плечо я рассмотрел содержимое мусорки. В урне лежали пистолет, портативная рация, небольшая дубинка и связка отмычек.

– Жаль, что им удалось убежать, – вздохнул я.

– Нет, – покачал головой Вебер. – На подъезде к отелю мы остановили микроавтобус, который как раз отъезжал. Внутри оказались четверо мужчин с советскими паспортами. Мы их временно задержали. Вы сумеете опознать нападавших?

– Да, герр комиссар.

– Тогда одевайтесь и спускайтесь в холл. Мы будем там. Я дам вам в сопровождение полицейского. Он подождет за дверью в коридоре.

Я вернулся в номер. Странно, но кутерьма не разбудила Вику. Она спала, завернувшись в одеяло. Я быстро оделся и вышел, не забыв прихватить ключ от номера. Полицейский сопровождал меня в холл отеля. Там наблюдалась интересная картина. На диванчике и в креслах сидели трое незнакомых мужчин и Слижень. По бокам стояли полицейские с автоматами. Перед ними, заложив руки за спину, выхаживал Вебер.

– А, герр Мурашко! – обрадовался он моему появлению. – Посмотрите на этих господ, – он указал на задержанных. – Знаете ли вы кого-нибудь из них?

– Это член нашей делегации Слижень, – указал я на куратора. – Приставлен КГБ наблюдать за нами. Сегодня... вернее, вчера в ресторане в обеденное время он угрожал мне и пытался отобрать паспорт.

– Кто это может подтвердить? – заинтересовался полицейский комиссар.

На мгновение я завис. Вовлекать своих в это дело не хотелось. Да и побоятся свидетельствовать.

– Официант. Он как раз подошел к столу с подносом. Его зовут Марко, он югослав.

– Сволочь! – прошипел куратор. – Предатель.

– Молчи, сука кагэбэшная! – рявкнул я. – Вы собирались травить газом мою беременную жену. Так что посиди в тюрьме.

¹⁴ Звание соответствует нашему лейтенанту.

– Что он говорит? – спросил Вебер.

– Называет меня предателем.

– Что ответили?

– Пожелал приятно провести время в немецкой тюрьме.

Губы полицейского комиссара тронула легкая улыбка.

– Остальные? – указал на задержанных.

– Этого не знаю, – ткнул пальцем в крайнего слева. – А вот эти двое ломились в мой номер. Тот, что справа, пытался распылить газ, а у этого за поясом имелся пистолет.

– Протестую! – поднял руку бывший обладатель пистолета. – Этот господин врет. Мы его не знаем. Он не мог видеть нас за закрытой дверью, тем более – разглядеть какой-то пистолет. Ваши люди обыскали нас. У нас нет оружия. Мы советские граждане, прибывшие, чтобы сопроводить в аэропорт соотечественника по его просьбе, – он указал на Слизня. – Ему срочно потребовалось вылететь домой по семейным обстоятельствам. Мы требуем немедленно нас освободить!

По-немецки кагэбэшник говорил уверенно.

– Вот как? – улыбнулся Вебер. – Вы не знаете этого человека, – он указал на меня, – тем не менее, прекрасно осведомлены, в каком номере он живет. Как иначе разглядели, что дверь в него закрыта? Что вы делали на том этаже? Ведь герр Слижень живет ниже. И еще. Я впервые вижу, чтобы человек отправлялся в аэропорт без вещей и верхней одежды. Как бы ни спешил, это невозможно.

Ай, да комиссар! Мигом разглядел. Все задержанные в куртках, а вот Слижень – в пиджаке. Значит, собирался меня сдать, а затем, как ни в чем не бывало, вернуться к себе в номер. Сука...

– Что касается оружия, то мы кое-что нашли в урне на этаже, где живет герр Мурашко. Наши криминалисты изучат находки. И молитесь богу, чтоб на них не обнаружили ваших отпечатков пальцев. Опознание завершено. Всех четверых задерживаю до выяснения обстоятельств дела. Надеть им наручники!

– Не имеете права! – запротестовал бывший обладатель пистолета. – Мы сотрудники советского посольства.

– У вас нет дипломатических паспортов и, следовательно, иммунитета. Советское посольство мы уведоим в установленном порядке. Увести!

Полицейские окружили кагэбистов и под конвоем вывели из холла. Вебер подошел ко мне.

– Вы не собираетесь покинуть Германию в ближайшее время, герр Мурашко?

– Нет, герр полицейский комиссар. Как вы поняли, дома мне не рады.

– Из отеля тоже не съезжайте, – попросил он. – Если нет денег, проживание оплатит комиссариат.

– Понял, – подтвердил я.

– Кстати, как вы разглядели этих людей? – спросил он. – За закрытой дверью? Да еще пистолет.

– Выглянул на короткое время. Услыхал шум в коридоре и открыл. Разглядел Слизня, все понял и захлопнул дверь. Остальное вы знаете.

– Может быть, – произнес он задумчиво. – Хотя там вообще-то темно. У вас отменное зрение, герр Мурашко!

– Не жалуюсь, – подтвердил я.

– Гуте нахт¹⁵! – кивнул он и вышел.

¹⁵ Спокойной ночи! (нем.)

Проводив его взглядом, я зевнул и отправился к портье. Тот, как ни в чем не бывало, торчал за своей стойкой.

– Благодарю, что вызвали полицию, герр...

– Мюллер, – подсказал он. – Не стоит благодарности, герр Мурашко. Это мой долг.

Он принял напыщенный вид.

– Эти люди не вызвали у вас подозрения, когда проходили через холл? – спросил я.

– Нет, герр Мурашко, – покачал он головой. – Я не видел их здесь. Полицейкомиссар уже спрашивал. Полагаю, они вошли в отель через служебный вход. В это время он обычно заперт, но их кто-то впустил.

Даже знаю, кто. Через тот же ход вытащили бы и нас с Викой. Хорошо, что проснулся своевременно. Слизень – сука! Надо было все же организовать ему инфаркт.

– Разбудите меня на завтрак, – попросил портье...

* * *

Перед завтраком я рассказал Вике о происшествии. Выдал версию-лайт. Дескать, ломились в номер, но набежала полиция, вызванная портье, и повязала негодяев. Вика поохала, но мигом успокоилась. Замечаю я в последнее время такое за любимой. Безоговорочно верит в мою счастливую звезду. Ее Миша может все. От смертельной болезни исцелить, КГБ раком поставить. Если бы... По краешку прошли.

После завтрака я навестил Воронова, попросил позвать Терещенко и рассказал историю им. Выслушали меня с угрюмыми лицами.

– Ну, и что теперь? – спросил министр.

– Вам не будет ничего, – успокоил я. – Спали, ничего не слышали. Это моя личная война, Владимир Сергеевич. Так что оправляетесь в город, посещайте магазины, покупайте подарки родным. Кстати, возьмите, – я достал из кармана конверты с командировочными от Шредера. Мы с Викторией их не тронули. – Пригодятся. У меня здесь будет работа и зарплата.

Воронов с Терещенко помялись, но конверты взяли. Вот и правильно.

– Жаль расставаться, Михаил Иванович, – вздохнул Терещенко. – Когда теперь свидимся?

– Еще в этом году, – успокоил я.

– Не боитесь КГБ? – удивился он.

– Им будет не до того.

Он внимательно посмотрел на меня, но задавать вопросы не стал. На том и расстались. Я вернулся к себе в номер. Собирался выгулять любимую по Франкфурту, но позвонил портье – за мной приехал полицейский. Я оделся и спустился вниз. Полицейская машина отвезла меня в комиссариат. Там меня без проволочек провели к чиновнику в гражданском костюме. Он представился гаупткомиссаром Бахом. Немолод, полноват, с отвисшими брылями щек.

Для начала Бах попросил мой паспорт. Я вручил его с замиранием сердца. Вот сейчас листнет и увидит, что не въезжал по нему в Германию. Бах, однако, листать не стал. Открыл на нужной странице, сверил фотографию с оригиналом и вернул. После чего подробно расспросил о ночном происшествии. Его молодой помощник в это время лихо стрекотал на электрической пишущей машинке, составляя протокол. По завершении допроса мне дали его на подпись.

– Хорошо, что владеете немецким языком, – заметил Бах. – Переводчика с русского отыскать непросто. И представителя советского посольства не потребовали.

– У меня теперь там нет друзей, – вздохнул я.

– Понимаю, – кивнул он. – Первый такой случай в моей практике. Агенты КГБ попытались похитить соотечественника! Чем вы их так разозлили? Диссидент?

– Целитель, герр Бах.

– Знаю, – сказал он. – Читал в утренних газетах. Журналисты называют вас волшебником. Дескать, слепые прозревают, парализованные ходят. Но одно другому не мешает.

– Не в моем случае, герр Бах. Я не собирался просить политического убежища в Германии. Просто в КГБ хотели, чтоб я работал на них – исцелял иностранцев за большие деньги. А они бы клали эти деньги в свои карманы. Люди, приказавшие меня похитить, не патриоты. Жулики.

– Погодите! – заинтересовался он. Открыл ящик стола и извлек из него газету. – Вот! – протянул мне. – Объявление на четвертой странице. Прочтите. Очень необычное, потому заинтересовало.

Я взял газету и развернул, мельком заметив, что она сегодняшняя. Нашел рекламное объявление на указанной странице. Большое, в красивой рамке, да еще с изображением возложенных на человеческую голову рук.

«Целитель из СССР излечит вас от тяжелых болезней, – гласило объявление, – включая те, перед которыми бессильна современная медицина. Тысячи официально подтвержденных случаев, быстрый результат. Подробности и предварительная запись по телефону». Далее следовали цифры номера. На миг я похолодел. До сих пор считал, что попытка похищения – месть Слизня, который наплел про меня гадостей посольским. Ошибся. Оказалось, четкая и продуманная операция. Даже публикация объявления в номере с рассказом о моих успехах в Германии – не случайность. У них все вышло бы, если б я не проснулся. Привезли бы нас, как миленьких, в Москву, где поставили перед фактом. Или исцеляй, или десять лет колонии за измену Родине. В том числе беременной Вике. Мрази! Ненавижу!

– Что скажете? – спросил Бах.

– Это афера КГБ.

– Вы уверены?

– Абсолютно. В СССР нет целителя с такими же способностями. Официально они подтверждены только у меня. Я один могу говорить о тысячах исцеленных и подтвердить это документально.

– Ясно, – он забарабанил пальцами по столу. – Вы готовы повторить сказанное перед прессой?

– Для чего?

– Чтoб не дать совершиться преступлению. Тяжелобольной человек готов на многое. Мой долг – остановить мошенничество. Одновременно это защитит вас.

– От кого?

– КГБ. Неприятно говорить вам, герр Мурашко, но задержанных вчера в отеле придется отпустить. Дело не имеет судебной перспективы – нет улик. Только ваше заявление и показания официанта ресторана. Одного этого мало.

– А как же пистолет, рация, дубинка? – удивился я. – Баллончик с газом, наконец?

– На них не нашли отпечатков пальцев задержанных. Видимо, успели стереть. Да и пистолет не настоящий – искусно выполненный муляж. Это не оружие. Судья, разумеется, все поймет, но решение вынесет в пользу обвиняемых. Он обязан соблюдать закон. Но пока дело не передано в суд, вы вправе говорить, что угодно, – он хитро посмотрел на меня. – Я не первый год служу в полиции, герр Мурашко, и хорошо знаю, что спецслужбы опасаются огласки. Поднятый прессой шум заставит КГБ отступить. Тем более, тут особый случай. Вы не перебежчик и не диссидент. У СССР нет и не может быть к вам официальных претензий.

Вообще-то есть, но об этом лучше промолчать.

– Согласен, – кивнул я. – Когда?

– Идемте, что-то покажу, – предложил он, поманив меня рукой.

Я встал и по его примеру подошел к окну. Бах отодвинул штору. Окна его кабинета выходили на улицу, и я разглядел перед входом в комиссариат толпу репортеров с фотоаппаратами и видеокамерами.

– Дежурят здесь с утра, – пояснил Бах. – Вы не видели их, потому что въехали во двор через служебные ворота. У репортеров – свои источники информации, и о задержании русских они знают. Пока без подробностей, но разносят. Вам все равно придется иметь с ними дело, так что лучше не затягивать.

– Выйдем к ним?

– Зачем? – пожал он плечами. – Пригласим в конференц-зал. Сейчас поручу помощнику это сделать. Вы готовы, герр Мурашко?

– Готов, – буркнул я...

Наше появление в конференц-зале репортеры встретили морем вспышек. Подлетели, преградив дорогу, операторы с камерами.

– Господа! – поднял руку Бах. – Разрешите нам пройти. Обещаю, что ответим на вопросы.

Репортеры расступились. Мы с комиссаром заняли места за столом, сев лицом к залу.

– Итак, – начал Бах. – Сегодня ночью, а точнее – в час тридцать семь в комиссариат поступил звонок из отеля «Адмирал». Портье передал просьбу одного из постояльцев. Мол, к нему в номер рвутся неизвестные вооруженные люди. Выехавшей по вызову группой полиции у отеля был задержан микроавтобус – он только что отъехал. В салоне обнаружили четырех советских граждан. Трое из них являются сотрудниками посольства СССР в Германии, не имеющими дипломатического статуса, четвертый – член советской делегации, прибывшей во Франкфурт по приглашению клиники Гете. Просивший помощи постоялец гостиницы, тоже гражданин СССР и член названной делегации герр Мурашко – вот он, рядом со мной, – пояснил, что трое из задержанных пытались проникнуть к нему в номер, применяя отмычки и баллончик со слезоточивым газом. Ему удалось сдержать первый напор, а потом прибыла полиция. Она же обнаружила в урне у лестницы на этаже, где расположен номер Мурашко, связку отмычек, рацию, дубинку и предмет, похожий на пистолет.

Последние слова комиссара потонули в возмущенном гуле.

– Тихо, господа! – поднял руку Бах. – Я еще не закончил. На полу у номера герра Мурашко найден использованный баллончик со слезоточивым газом. На основании этих фактов командир специальной группы принял решение задержать граждан СССР и доставить их для разбирательства в комиссариат. В настоящее время идет изучение обстоятельств дела. Это все, что я могу пока сказать. А теперь слово герру Мурашко.

Журналистам я выдал полную версию произошедшего, включая приезд в Минск подлеца Родина и разговор с ним. Умолчал только про предупреждение о предстоящем аресте. Зачем подводить хороших людей? Мы с Викой просто вылетели днем раньше, чем нарушили планы КГБ. Но контора попыталась отыгаться в Германии. Об объявлении в немецкой газете тоже сказал, продемонстрировав его и снабдив соответствующим комментарием. Слушали меня внимательно. Журналисты строчили в блокнотах, фоторепортеры щелкали затворами камер, операторы телевидения жужжали своими.

– Теперь можете задавать вопросы, – предложил я, завершив рассказ.

– Герр Мурашко! – вскочил тип в переднем ряду. – Гюнтер Генкель, газета «Бильд»¹⁶. – Вы будете просить политическое убежище в Германии?

– Нет.

– Почему? – удивился он.

– У меня нет политических разногласий с СССР. Я не диссидент и не перебежчик. Самоуправство отдельных чинов КГБ – я уверен, что это была частная инициатива, – не может

¹⁶ «Бильд» – самая популярная «желтая» газета Германии.

заслонить то хорошее, что есть в моей стране. Бесплатное образование и здравоохранение, отсутствие безработицы, к примеру. Сейчас СССР переживает не лучшие времена, налицо политический кризис и проблемы в экономике, но я верю, что мы справимся. С моим делом тоже разберутся.

– Вы наивный человек, – покачал головой Генкель и сел.

– Петер Клоц, «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг»¹⁷, – встал следующий журналист. – Что собираетесь делать дальше, герр Мурашко?

– Я получил приглашение клиники Гете поработать у них. Если будет разрешение официальных властей, почему бы и нет? Понадобится вид на жительство в Германии. Получу – займусь исцелением немецких детей. Нет – перееду в другую страну.

Пусть не думают, что я тут на коленях стою.

– Говорят, вы просите за свои услуги большие деньги, – не замедлил немец. – Больше, чем получает профессор медицины.

Ясно, кто напел.

– Вы были вчера в клинике, где я демонстрировал свои возможности?

– Нет, – покачал он головой. – Читал в газетах.

– Очень жаль, герр Клоц. Вчера в присутствии большого числа медиков и журналистов я исцелил тринадцать детей. Не хочу говорить плохо о немецких врачах, но они не смогли помочь этим детям. Я же справился менее чем за два часа. Уникальный специалист должен иметь соответствующий заработок. Вы вот платите большие деньги звездам Бундеслиги, и большинство населения Германии считает это нормальным. Неужели футболист лучше целителя? Или в перерывах между матчами он лечит безнадежно больных? Теперь о моем гонораре. Не стану приводить конкретных цифр, но управляющему клиникой я назвал ту сумму, какую получал от родителей детей в СССР. Неужели немцы беднее?

– Извините, герр Мурашко! – вскочил репортер «Бильда». – Вы заявили, что в СССР бесплатное здравоохранение. Как понимать последние слова?

– Все просто, герр Генкель, – улыбнулся я. – Здравоохранение в СССР, действительно, бесплатное. Но поскольку я не врач и не состою в штате клиники, то и не получаю денег от государства. Мне платят родители исцеленных детей. Необходимость этого понимают даже коммунисты.

Журналисты заулыбались.

– Скажу больше. В СССР я официальный миллионер.

По конференц-залу пронесся удивленный гул.

– Именно так, господа. Мне принадлежит кооператив, на счет которого поступает плата от родителей. Мы, в свою очередь, перечисляем государству установленный им налог. Содержим сотрудников, доплачиваем сотрудничающим с нами врачам и медицинским сестрам. Помогаем детским домам. Есть еще один аспект. Дети-инвалиды – это немалая нагрузка для бюджета страны. Им выплачивают пособия. Повзрослев, они остаются инвалидами и начинают получать пенсии. Обычно пожизненно. А теперь представьте, что их исцелили, и необходимость в выплатах отпала. Это уже огромная экономия. Но не вся. Повзрослев, бывшие инвалиды получают специальность и начинают работать. Они платят налоги и страховые взносы. Сплошная выгода государству! В СССР это прекрасно понимают, и мне странно слышать, что представители такой рационально мыслящей нации, как немцы, задают по этому поводу вопросы.

– Вы нас плохо знаете, герр Мурашко, – покачал головой журналист «Франкфуртер Альгемайне». – Мы романтичны и не всегда умеем считать деньги. Но соглашусь с вами. Исцеленный инвалид – это замечательно. В первую очередь – для него самого.

¹⁷ Самая читаемая газета в Германии либерального направления.

Пресс-конференция не затянулась. Получив информацию, журналисты стали подниматься с мест. Нужно выдать сенсацию раньше конкурентов. Это вам не в СССР. Та же полицейская машина отвезла меня в отель, и я даже успел на обед. Мы с Викторией погуляли по городу, а затем сели смотреть телевизор. Сюжет с пресс-конференции уже крутили в новостных выпусках. Я полюбовался на себя, красивого, перевел Вике свои ответы и комментарии журналистов.

– Теперь ты в Германии – знаменитость, – заключила она.

И не только здесь. Представляю, как смотрят эти выпуски в советском посольстве. И какими словами меня костерят... Кому-то сильно не поздоровится.

Новостные выпуски дали и другой эффект. В номере зазвонил телефон. Я снял трубку – Шредер.

– Добрый день, герр Мурашко, – заспешил он. – У меня вопрос: вы никуда не уезжаете?

– Нет пока, – ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.